

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АШИРА ХААН

18+

Ашира Хаан

Темная половина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51708558

SelfPub; 2020

Аннотация

Я всю жизнь мечтала встретить вампира. Стать его темной возлюбленной, жить вечно, научиться пить кровь. И меня страшно бесили все эти дурочки в книгах и фильмах, которые отказываются от такой судьбы. Уж я бы не упустила такой шанс! Но я – упустила. Отказалась. И мой жестокий красивый вампир заставил меня тысячу раз об этом пожалеть! Но кто знал, что кроме терзаний о несбывшемся, в вампирском плену меня ждет еще одна неожиданность – встреча с тем, кого я считала давно мертвым... Юмор черный. В тексте нецензурная лексика, убийства и разврат! Не является стандартным ромфэнтези! Содержит нецензурную брань.

Содержание

0. Он пришел	4
01. Предложение, от которого можно отказаться	10
02. Хороший был психотерапевт. Но недолго.	14
03. Вампирам идут дорогие машины	23
04. Это не еда	28
05. Родительское собрание	32
06. Сюрприз!	39
07. Одно из занятий, оказавшихся неинтересными	48
08. Мамочка Мари	51
09. Страхи и мечты	55
10. Папочка Эш	63
11. Безотказные аргументы	68
12. В апреле	74
13. Память	80
14. В любой тьме есть свет	84
15. Приход	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

0. Он пришел

Верить в то, что ты Избранный, в пятнадцать лет нормально. В двадцать – глупо. В двадцать пять смешно. В тридцать в таком лучше не признаваться. Даже себе. И не надо кивать на Нео. Одно дело, когда тебе неделю показывают чудеса, включая самое главное – веру в тебя, тридцатилетнего лузера, офисный планктон, другое – когда ничего не предвещает. Ни красные, ни синие, ни зеленые таблетки не выкидывают из реальности. Кролики не смотрят на часы, а тупо жуют сено в аквариумах зоомагазина. Агенты Смиты и Элронды не спешат являться в душный офис, а верит в тебя только мама и то, похоже, только на словах. В последнее время. Потому, что тебе почти тридцать, а у тебя ни семьи, ни детей, ни карьеры. И даже непонятым гением не притвориться, потому что все способности чуть выше среднего. И часики тик-так. Потому что ты женщина.

Только все равно: когда я еду с работы в метро и поезд вылетает из тоннеля на улицу, когда от ночного воздуха захватывает дух, а глухая темнота перегона сменяется тысячеглазым черным небом – вдруг кажется, что сейчас со мной заговорит тот мужчина у противоположных дверей, чьи длинные светлые волосы взвинтил сквозняк, а острые черные глаза сияют даже в оконном отражении. Он позовет в страну фей. Или в Лабиринт. Или на худой конец окажется наследником

какой-нибудь европейской династии, влюбившимся в меня, случайно зайдя в русский сектор Фейсбука.

Господи! Ну хоть сумасшедшим! Пусть расскажет, что он инопланетянин и попросит сотню на новый топливный тротик. Только дай мне, Господи, сегодня немного веры в сказку, потому что я уже в отчаянии, Господи, и я не хочу верить только в реальность!

Поезд остановился на станции и из открытых дверей повеяло такой волшебной весенней ночью, что я не выдержала и в последнюю секунду выскочила из закрывающихся дверей. Пусть не моя остановка, но еще секунда в душном поезде – и я сойду с ума от тоски по чуду. Сегодня чудом назначена весенняя ночь.

Состав отъехал и я заметила, что светловолосый незнакомец тоже вышел на этой станции. Отлично, можно еще немного помечтать.

Интересно, как должно обратиться ко мне сверхъестественное существо, чтобы я, мечтательная идиотка, но коренная москвичка, ему поверила? Сектанты, коммивояжеры и пикаперы настолько истожили залежи моей природной наивности, испробовали столько способов подергать за хвостик доверие, что я вряд ли поверю даже второму пришествию Христа. Как бы он его ни оформил, начиная от скромной проповеди, заканчивая феерическим шоу со спецэффектами.

Просто так подойти и сказать «Привет, я светлый маг...

эээ... скажем, Полуэкт» – а чем докажешь,

Полуэкт? Документы на магию у тебя есть? Регистрация фаерболов? А покажи? И что он мне покажет – огненный шарик, вылетающий из рук. Готова спорить, в любом детском магазине есть набор юного фокусника с такими шариками. Что тебе, маг, денег на гильдию подкинуть?

Что-нибудь помасштабнее? Огненный дракон! Ну вот достался мне стихийно-огненный маг. И я такая покрепче ухвачусь за сумочку, потому что это наверняка гипноз! Драконов не бывает. Ну или я сошла с ума. Фаерболы и драконы – их полно в любом фэнтези, и, если магия существует, вряд ли она похожа на то, о чем пишут молодые графоманы в дешевых серийных книжках.

Исполни он мои желания – пусть он будет джин – и я решу, что это совпадение. Разрушь и построй дворец – начну грешить на психотропные вещества.

Мда... Фома Неверующий был ребенком по сравнению со мной. Приходим к выводу, что в сказку мне не попасть, потому что я не поверю ее представителю. Печально.

За этими размышлениями я добрела до выхода.

Потенциальный огненный маг-джин Полуэкт опередил меня и уже давно вышел из метро, даже не попытавшись впечатлить меня фаерболом. Наверное, к лучшему. Как-то меня опечалило мое открытие, что я не поверю в чудесное, даже если вложу этому чудесному перста в раны. К психологу, что ли, обратиться? Доктор, я не верю светлым магам. Ха-ха.

Я вышла из метро, чуть поколебалась, решая, не спуститься ли в сторону леса, где шум ночного ветра обещал приключения, которых не будет. Но потом передумала и побрела к остановке. Все магазины уже были закрыты, уличные торговцы разошлись, и даже маршрутки не было на привычном месте. Кажется, мне надо меньше работать.

Было прохладно и немного жутковато – черный лес вставал по правую руку, заслоняя собой светящееся небо ночного мегаполиса. От этого возникало ощущение, что я не в пятнадцатимиллионном городе, который, как водится, никогда не спит, а где-нибудь в маленькой деревеньке. Все приличные люди уже сидят по домам, ужинают под телевизор и спустили собак с цепи. И только я шляюсь по темным улицам... Кстати, никто не хочет включить фонари или там заменить в них лампочки? Светился только вестибюль метро и служебные лампы вдоль рельсов. Но они только слепили глаза, заставляя черные кусты со стороны путей казаться еще чернее.

В этом месте забора почему-то не было, но днем тут стояли лотки с книгами и носками, и не было заметно, что от дороги к путям ведет земляной спуск, засаженный боярышником. Я ускорила шаг, торопясь к остановке автобуса.

Нет никого... Я в курсе, что бояться надо, когда наоборот, кто-то есть, но помимо веры в свою исключительность, до почти тридцати я донесла и страх темноты. Наверное, это связано – вера в неведомое и в то, что даже на темной кухне

могут водиться волки. А уж в этой лиственной тьме, ожившей и шевелящейся от ветра – кто угодно. Я нервно хихикнула. Ну конечно, светлым магам поверить трудно, зато темноте запросто.

И тут эта темнота прыгнула мне в лицо!

У темноты оказались острые зубы, которые она вонзила мне в плечо. Темнота тяжело пахла прелой землей. И еще у темноты были светлые волосы, упавшие мне на лицо. Я дернулась и попыталась крикнуть, но чья-то рука сдавила мне горло. Зубы отпустили плечо и поток светлых волос взметнулся, открывая бледное лицо с горящими черными глазами и острыми длинными клыками. Я узнала потенциального светлого мага и поняла, что слегка в нем ошиблась.

В следующую секунду клыки вонзились в мое горло, причиняя острую нестерпимую боль. Ну надо же, в наших широтах водятся вампиры – подумала бы я, если бы боль позволила мне думать хоть о чем-то. Я споткнулась и упала на колени. И не могла сделать ничего, только пытаться дернуться сильнее, в надежде, что он хоть на секунду расслабит руки и я смогу сбежать или крикнуть.

Но все было напрасно. Мы балансировали на земляном склоне над рельсами.

Паника придала мне сил, и я отчаянно качнулась в пустоту, увлекая чудовище за собой. Мы покатались по склону, сминая кусты. Я пыталась хвататься руками за траву и ветки, но они только раздирали мне кожу и вырывались.

Чего мне точно не хотелось, так это встречи с контактным рельсом и его смертельным напряжением, поэтому я стала хвататься за ветки боярышника еще отчаяннее, но это не помогало – они легко ломались под весом двух тел. Мы вывалились прямо на рельсы и я наконец вырвалась, вскочила и даже успела добежать до забора на противоположной стороне, когда меня сбили с ног.

Я не видела того, кто нападает на меня, но он был сильным и диким. Острые зубы снова прокусили мне кожу на шее, и существо зарычало. Я наконец нашла в себе силы заорать. Именно в этот момент мимо промчался грохочущий поезд. Когда он скрылся, я уже была придавлена тяжелым телом к земле. Моя шея пылала чудовищной болью. Рот закрывала холодная рука.

Все, что я могла думать, было исключительно нецензурным. Из меня явно пили кровь. Дождалась своей сказки. Страшной сказки про вампира под кроватью. Не будет тебе танцев фей – будет смерть от кровопотери. Не самое плохое. Лучше уж умереть от зубов вампира, чем от рака. Особенно, если ты считаешь себя Избранным. Избранные, правда, так не умирают...

01. Предложение, от которого можно отказаться

Есть в этом нечто печальное – умереть с мыслью, что ты не избранный. У тебя нет и не было высшей миссии и разве что сам способ смерти несколько выделяет тебя из общей массы.

Впрочем, я не умерла. Кажется. Если только реинкарнация не запикивает тебя в следующую жизнь со всеми прошлыми воспоминаниями и ощущениями. Видимо, нет. Я почему-то дома, у себя в кровати, в спальной футболке и сейчас суббота, позднее утро. И у меня ничего не болит, шея в порядке, руки не ободраны и вообще вчерашний вечер мне явно приснился. У меня бывает – снятся всякие сказочки, а потом я неделями реву потихоньку, потому что во сне были чудеса, а наяву исключительно работа и хмурая погода.

– Хочешь стать вампиром?

Светловолосое чудовище сидело за компьютером и явно шлялось ВКонтакте, пока я спала и размышляла о своей никчемности. Черные глаза не пылали, с клыков не капала кровь, по одежде тоже не скажешь, что еще вчера это нечто пыталось меня сожрать и каталось по грязной земле.

– Ээээ... Что?

– Ну... – вампир пощелкал по окошкам, открывая мои коллекции фильмов. – Сумерки, Интервью с вампиром,

Кровные узы, Настоящая кровь. Ты могла бы стать главой фан-клуба.

– Эдварда или Джейкоба?

– Деймона. Кстати, если тебе интересно, я скорее из этой породы. Ну, бесчувственных ублюдков, считающих, что люди это корм и все такое. Только вычти любовь к святой Елене. Ну так и ты вроде не Елена.

Так. Мне нужно подумать. Еще вчера я не собиралась верить в сверхъестественное, даже если оно будет доставлено мне курьером на дом, с гарантией, инструкцией и чеком. Вопрос. Почему я совершенно спокойна и почему я верю, что мне и правда предлагают стать вампиром?

Не то, что я не верю в вампиров – это скорее можно назвать надеждой на то, что они существуют. А тут надежда сбывается, и я такая – вилла на Канарах, яхта и Том Хиддлстон в придачу? Хммм... Надо подумать – скажите, а что насчет налогов, и можно ли еще Роберта Паттинсона, хотя бы по пятницам?

Так что я сказала самое умное, что смогла придумать.

– Тогда почему именно я?

– Вот блять... Ну представь, что ты купила пару тыкв на пирог и суп. И тут Хэллоуин. И ты берешь одну тыкву, сушишь ее там, вырезаешь, вставляешь свечку и типа украшаешь ею что-нибудь. На работу относишь. А тыква тебе такая – а почему именно я? Да похуй. Попалась по пути.

Вампир сегодня был намного более словоохотливым, чем

вчера. Мягко сказать. Вчера он разве что прорычал что-то, когда мы ударились о землю. Я помню. Я все отлично помню, хотя вампирам, наверное, положено стирать память своим жертвам.

– Но не просто же так? – не отречься же от веры в свою исключительность только потому, что первое в моей жизни чудо отказывает мне в ней.

– О, вы представляете себе, сколько малых вероятностей должно сбыться, чтобы сформировалась Земля, чтобы она была именно на таком расстоянии от Солнца, не ближе, не дальше, чтобы вовремя что-то еще там случилось, чтобы никто из ваших предков не умер в младенчестве, не сломал ногу накануне свадьбы и зачал вас именно в нужный момент, ни раньше, ни позже... – вампир раскачивался на стуле и смотрел в потолок, явно кого-то цитируя. – Как говорил Ричард Фейнман: «Вчера мне приснилась машина с номером 274 KWJ – вы представляете, какова вероятность того, что это случится»? Короче! Не ты, так другая. Похуй.

Возразить было нечего. С чудом еще можно поспорить, а с нобелевским лауреатом по физике – не смею.

– Кстати... – я покосилась за окно. – А ничего, что сейчас день?

– Ничего.

– Ээээ...

– Предлагаешь устроить лекцию по физиологии и мифологии вампиризма? Ох, отъебись ради бога! Говори да или

нет, или приз переходит другому участнику.

– Нет.

О, я и не знала, что человеческие брови могут так высоко забираться по лбу. Наверное, особая вампирская способность.

– Кстати, как тебя зовут? – если уж он не представился вчера. Хотя, в самом деле, как часто вы представляетесь своим макаронам с котлеткой?

– Ты охуела? Тебе предлагают шанс всей твоей жизни, о котором, судя по всей этой вампирской херне в компе, ты только мечтала, а ты веротишь морду?

– Всякое бывает. У нас, знаешь, традиция такая в семье. Предлагают какой-нибудь шанс, а мы думаем – а вдруг не получится? И отказываемся. Зато потом можно всю оставшуюся жизнь рассказывать случайным попутчикам, как чуть не стал звездой кино или личной помощницей красавца-миллионера.

– Ебанутые... – пробормотал безымянный вампир, встал со стула, накинул ветровку, отпер дверь, вышел и захлопнул ее за собой.

И все. Вот так я обрела великолепную историю о несбывшемся, которую не расскажешь даже попутчикам, только лечащему психиатру.

02. Хороший был психотерапевт. Но недолго.

О, кто-нибудь наверняка подумал, что про психиатра это была шутка. Почти. Психиатру я сказала только то, что стала бояться темноты. Больше, чем раньше. Чистая правда, между прочим – последние две недели я даже перестала задерживаться на работе и еще избегаю той станции метро. Про фобию метрополитена я рассказывать не стала, просто получила свои ежемесячные три рецепта на колеса и спустилась на первый этаж к психотерапевту. И вот ему-то все рассказала.

Даже самую захватывающую историю можно рассказать как историю болезни.

О том, что ты не веришь в хорошие чудеса – только в плохие.

О том, что боишься будущего и настоящего.

О том, что получив предложение, в реальность которого еще вчера не верила, отказываешься и пытаешься исключить его из памяти.

Ничто не должно нарушать гармонию картины «Неудачница». Скудная история, думаю, в подробности таких перестают вслушиваться уже на первом году консультационной практики. То, что предложение было о вступлении в вампи-

ры, а не о феерической карьере, сути не меняло.

– А вы этого на самом деле хотели?– спросил терапевт, выслушав мою сказку, – Или это было бы социально одобряемым выбором?

Я хихикнула. О да. Социально одобряемый вампир. Мечта мамаш старшеклассниц. А потом сработала привычка быстро находить в себе честные ответы, когда я в этом кабинете. Вероятно, работает сумма, которую я выкладываю за возможность часик посидеть среди развешанных картинок водопадов из стандартных клипартов.

– Да, хотела. Хочу, – тут же поправилась я, уловив энтузиазм в глазах терапевта. – Но... Боюсь, конечно же. Это изменит всю мою жизнь. Причем сразу. Все-таки к изменениям, которых долго добиваешься, относишься спокойнее. А тут внезапно так. А вдруг я передумаю, а пути назад нет?

– Останетесь и станете править долго и справедливо. – улыбнулся доктор. Это я месяц назад как раз ныла про чудо. Мол, мечтаю найти Нарнию в шкафу.

– Боюсь, я уже отказалась. И теперь не знаю, что делать. Такие шансы второй раз не даются.

– Вы уверены?

– Хм, – я снова задумалась. – Похоже, нет. Мне кажется ужасно грустным выиграть в лотерею миллион и больше не играть, потому что второй раз подобное не случается.

– Значит вам просто нужно принять то, что пока у вас нет внутренних ресурсов на новую жизнь. Они уходят на что-то

другое. На что? Возможно, если высвободить их, ко второму шансу вы отнесетесь иначе.

– Мне кажется, они уходят именно на мечты. Предложение должно было высвободить их автоматически.

– Вот вам домашнее задание: подумайте, почему ресурсы, уходящие на мечты, не освободились при появлении шанса на их исполнение.

Я кивнула и потянулась за ежедневником, чтобы записать задание. Движение воздуха рядом с моим лицом и странный звук заставили меня поднять глаза...

– Бубубубубу... Уныние, ебаное уныние, – с отвращением проговорил светловолосый вампир, вытаскивая когти из распоротой шеи моего психотерапевта. Густая темная кровь лилась на сиреневый ковролин. Вампир лизнул палец и скрипелся:

– Не жалей. Он был фиговым терапевтом, к тому же, все равно скоро умер бы – ты посмотри, кровь прямо на лету сворачивается. Спорим, у него уже пара тромбов была на пути к сердцу?

– Ты типа второй шанс? – я хихикнула. Ну, в конце концов, если я не стану вампиром прямо сейчас, то без терапевта мне будет грустно жить. Второго такого хрен найдешь. Остальные-то заставляли меня вообразить, что на соседнем стуле сидит мой страх близких отношений или требовали обращаться вслух к моему несуществующему брату. Кому еще я буду рассказывать про вампиров?

– Я, типа, последний шанс, – вампир спихнул тело терапевта на пол и сам сел в кресло. – Или как сейчас принято говорить – крайний. Крайний такой срок. Последний такой шанс. Я просто подумал, что был слишком жесток. Надо было тебя убить, а не оставлять жить твоей унылой жизнью. Но потом я подумал тебя все-таки наказать за твои сомнения. Короче, разорвался на части. Можно еще обратить насильно, но это слишком вкусно.

Он замер на минуту, зачитавшись чем-то в ежедневнике врача.

– О, тут стооолько про тебя интересного.

Я молчала. У меня вообще-то звенело в ушах и кружилась голова. Мне хотелось плакать или упасть в обморок. Никак не могла решить. Или я вдруг поняла, что со мной все-таки произошло чудо и мне не нужно от него отказываться, чтобы остаться хорошей девочкой. Я просто могу согласиться и больше никогда не вернуться домой. И насрать на маму, работу, друзей.

– Кусай, – спорим, он расслышал мой сиплый шепот только потому, что был вампиром со своими обостренными чувствами?

– Ха!

Он отбросил ежедневник и наклонился ко мне. Кресла всегда стояли чуть ближе, чем мне было комфортно и любой высокий... вампир, придвинувшись к краю и наклонившись ко мне, мог почти касаться моих губ. Своими. Сухими, чер-

товски сухими и бесцветными. Плотно сжатыми, искаженными клыками, что скрывались за ними...

Он положил мне руку на затылок и надавил, приблизившись еще немного. Настолько, что губы я уже видеть не могла. Я вынужденно смотрела в его черные глаза, в которых нельзя было отличить радужку от зрачка. Все было единой черной дырой.

– Нет, милая... – прошептал он, задевая при каждом слове своими губами мои, обдавая меня ледяным дыханием. – Нет. Ты потеряла свое право на выбор. Я тебе не ебанный Дед Мороз и даже не золотая рыбка. Когда тебе предлагают такой дар, нехуй отказываться. Нужно визжать и писаться. Гордость тут не при чем. Гордость тут – проигрыш. И ты проиграла. Ты теперь станешь моей игрушкой. Я покажу тебе то, от чего ты отказалась – мой мир. А потом – если ты будешь себя хорошо вести – я тебя убью. А если будешь плохо – верну в твою убогую жизнь. И счастье, если ты после этого сойдешь с ума... Потому что при твоём анамнезе остаться в здравом уме и трезвой памяти, живой и снова обыкновенной – это много, много хуже смерти...

На последнем слове его губы так и остались рядом с моими. Сухой обжигающий лед. Он сделал еще одно крохотное движение и ледяные губы приникли к моим, раскрывая их, позволяя острому ледяному языку прорваться и превратить замораживающее дыхание в огненное. Он целовал меня так, что я не представляла, бывает ли такое на свете или я все-

таки умерла посреди этой безумной беседы. Страстно, крепко, так, будто только этот поцелуй может спасти его жизнь. Или мою. Это не шло ни в какое сравнение даже с самым лучшим сексом в моей жизни – это было горячее, сильнее и безумно-безумно возбуждающе.

Когда он оторвался от меня, я хотела его до судорог и зуда в коже. Мозг? Какой мозг? Думать было невозможно, я только дернулась вслед за ним, когда он отстранился, желая только трахнуть его немедленно и... ммм... какое и? А, наплевать!

Он рассмеялся, удерживая меня на расстоянии одной рукой.

– Ух ты, какая наркоманочка. Тем веселее. Заодно ты лишилась и этого – неужто я бы отказал в паре переписов собственному созданию? А теперь – неа. Знаешь, целовать шоколадное пирожное это еще куда не шло, но ебать жареную курицу можно только в анекдотах. Я с едой не совокупаюсь, извини.

Я застонала от разочарования. Вот если бы он меня так поцеловал в ту ночь, я бы согласилась вообще не думая. На что угодно. Такие поцелуи нужно патентовать как гарантированное средство от приступов гордости.

– Страдаешь? Это только начало... Как я чудесно придумал, а! – он был крайне доволен собой. – Обещаю тебе один поцелуй за каждый раз, как ты будешь понимать, что совершила глупость, отказавшись от моего предложения.

Вампир встал и тут же оказался за моей спиной. Он шептал мне в самое ухо, и я застыла, наслаждаясь ощущением дразнящей жути, которая окатывала меня от звука его голоса.

– На сегодня сеанс терапии окончен. Следующий я назначу вам лично...

А потом он просто исчез, а я осталась в компании трупа психотерапевта. Замечательно. Полагаю, в стенах психиатрических клиник действует презумпция виновности. Интересно, в КПЗ мой личный вампир будет заглядывать вежливо, или так же устранив всех соседей?

Шутки шутками, а мне что делать? До конца сеанса еще десять минут. Это ровно то время, за которое я должна придумать, как мне из этого выкарабкаться.

Я тупо посмотрела на труп. Закричать и выбежать? Ииии? Заскочил бешеный вампир и убил у меня на глазах? Учитывая, что мы в дурке, выглядеть это будет роскошно. А главное – убедительно. Прямо как дебют шизофрении. Хотя я старовата для дебютов вроде.

С другой стороны, не сама же я его располосовала? ..

Я посмотрела на свои короткие ногти. А вампиры их выдвигают как Росссомаха или они сами по себе такие острые? Я бы не стала такими когтями чесаться, да... Чем же я еще могла укокошить Евгения свет Витальевича? Не зубами. Холодного оружия тоже нет... я надеюсь, он не прятал финку в кармане. Или в ящике стола. Ну чисто на всякий случай.

Психи вокруг все-таки.

Это уже нервное.

Мы, психи, такие. Убьем терапевта, а потом сидим и нервно чешемся – чем же мы его убили-то?

Меж тем кровь действительно сворачивалась. Право было чудовище, не все в порядке у моего доктора. Было. Теперь-то у него все лучше всех. Это у меня не очень. И время вскакивать и внезапно орать тоже прошло.

Самопроизвольное открывание горла с последующим крововыливанием? Звучит солидно. В реестр заболеваний, интересно, внесено?

Ну, ладно, думаю, версия с вампиром самая лучшая. Нужно всегда говорить правду, заодно вместо тюрьмы отправлюсь в дурку, что гораздо лучше. Я надеюсь. Халявные колеса, мягкие стены...

Ну, блин, ну ни фиги себе, что ж делать-то?!

– Ни хрррена без меня не можешь! Я бы выразился даже сильнее, – вампир сидел на подоконнике открытого окна. – Я Люций. Пошли.

– В окно?

– В жопу! – изящно выразился Люций и дернул меня за руку к себе. Я неуклюже вскарабкалась на подоконник, и мы вместе вывалились на траву. Он быстро дернул меня вверх и потащил за собой к белой машине на обочине.

– Садись, не стесняйся, – Люций напялил темные очки и скользнул за руль. Я открыла противоположную дверь и се-

ла рядом. Тут же начала искать ремень безопасности, за что удостоилась насмешливого взгляда. Да уж, смерть в автокатастрофе в данный момент не была на вершине хит-парада вероятностей откинуть коньки.

Машина рванулась вперед. Люций вел так, будто не задумывался ни на долю секунды, постоянно перестраиваясь и обгоняя. Я только нервно хихикала, стараясь не впускать мысль о происходящем.

– Заинька, ты там как? – издевательским сладким голосом поинтересовался Люций. – Можешь пока подумать о своей участи, нам еще минут пятнадцать.

– Докуда?

– До моего дома. Соберу вещи и поедem в прайд. Нет! – он выставил руку. – Никаких вопросов.

03. Вампирам идут дорогие машины

Я грызла губы. Становилось не по себе. Мы ехали по Перово. Ненавижу этот район. Любовник-садист, адская работа, врачи-мошенники – куча прелестей случилась со мной именно там. Когда мы затормозили на 1-й Владимирской, я поняла, что тенденция сохраняется. Это чудовище тоже явилось отсюда.

Мы поднялись на седьмой этаж. Всю жизнь жила на седьмых этажах. Люций, нажимая кнопку лифта, только усмехнулся.

Квартира оказалась настолько стандартной, что это вызвало оторопь. Стенка с хрусталем, плюшевый диван, столик с вазой. Тюль с журавлями, холодильник с магнетиками, клеенка на кухонном столе. Я ожидала всего, чего угодно, но не этого.

Люций открыл гардероб и начал кидать какие-то вещи в спортивную сумку.

– Мари вообще все тебе объяснит. Она любит возиться с детьми. А мне пока нужно кое-что подготовить, пока Эш не вернулся и не узнал, чем мы тут с тобой занимаемся.

Люций мгновенно оказался около меня.

– Но ты ни в коем случае не должна говорить о том, как

со мной познакомилась. И вообще молчи побольше. Ты ведь понимаешь, что я могу сделать, правда? – он смотрел черными как первая ночь на земле глазами. Вдоль позвоночника полз холодок.

– А мне вещи... – заикнулась я.

– Перебьешься.

Люций вновь появился рядом со шкафом. На этот раз он доставал ножи. Каждый следующий был больше предыдущего. Под конец он вытащил меч. Весь арсенал был аккуратно уложен в ту же сумку. Он снова метнулся ко мне. Я в испуге отшатнулась, едва успев подумать, чем я его прогневила уже. Но он сорвал со стены ковер. За ним обнаружилась дверца сейфа. Люций не стал утруждать себя набором кода, а просто подцепил когтями край дверцы и открыл ее, попутно раскурочив стену и сейф. И стоило вообще его запирать.

Люций покосился на меня.

– Найди на кухне себе пожрать, у нас там фуршет не накрыт.

Он провожал меня глазами, держа руку в сейфе и как бы мне ни хотелось узнать, что там, шансов было, понятно, ноль.

В холодильнике с магнетиками обнаружился сыр и банка маслин. Я торжественно приволокла их в комнату и Люций кинул их в ту же сумку.

– Чья это квартира? – наконец осмелилась спросить я.

– Моя, – Люций оглянулся по сторонам и снял со шкафа широкополую шляпу. Напялил ее на голову и подхватил

сумку. – Пошли. Хватит болтать.

Я засомневалась, но вопросы он явно не собирался выслушивать. Он черкнул что-то на листочке, лежащем на столе, и направился к выходу. Отпер дверь, распахнул ее и сделал приглашающий жест рукой.

– Прошу, сударыня. Поедем в ваш новый дом.

Я прошла и Люций запер за нами дверь, вытащил ключ, сжал в кулаке. Когда он раскрыл ладонь, там были только серебристые осколки. Он отряхнул руку и втолкнул меня в подошедший лифт.

– Когда ж я поумнею... – на секунду жестокое выражение его лица сменилось на чудовищную грусть, но вернулось так быстро, что я подумала, что мне показалось.

На улице я было направилась к машине, на которой мы приехали, но Люций подтолкнул меня к черному хаммеру рядом. Я даже не успела удивиться, как уже сидела внутри малогабаритной квартиры на колесах. Люций вырулил из дворов и помчался еще более безумно, чем раньше.

Я покосилась на него. Надо сказать, что хаммер шел ему необычайно. Как будто эту машину и создавали для длинноволосых блондинов с черными глазами, жестко сомкнутым ртом и выражением жестокости и презрения на красивом лице. Картину портил только сиреневый осьминог, болтающийся на зеркале.

– Ты не запомнишь дорогу, – не поворачиваясь ко мне, сказал Люций.

– Что? – я не расслышала, потому что как раз разбиралась, как открывается окно.

– Дура! Говорю, дорогу не запомнишь.

– Почему? – обиделась я. – Запомню. Я неплохо ориентируюсь в Москве и топографический кретинизм у меня редко бывает.

– Потому что это внушение, идиотка! – фыркнул Люций, жестко подрезая кого-то и улыбаясь истошным гудкам в свой адрес.

– Ээээ... – я поморгала, посмотрела в окно, снова поморгала. – Точно? А для внушения не нужно в глаза там смотреть? По-моему, не действует.

– Нужно, – Люций покосился на меня. – Но только если глаза красивые и очень хочется в них посмотреть.

Пейзажи за окном были мне незнакомы. Вообще. Я не слышала ни о такой улице, ни о таком проспекте, не видела высоток и алых букв метро. Более того, у меня было ощущение, что мы вообще не в Москве. Слишком чистые тротуары, непривычно одетые люди, раскраска домов опять же, не депрессивная.

Если так действует внушение, то я хочу жить вампирской игрушкой всю жизнь, невольно подумалось мне.

Люций оскалил клыки:

– Осторожно думай такие мысли. Я их чувю.

– Серьезно? Мысли?

– Желания... – он наконец посмотрел на меня. Протянул

руку и провел пальцем по щеке. Долго-долго смотрел в глаза, не обращая внимания на дорогу. Жаль, что я не могла оценить всей соблазнительности момента. Я как раз седела от ужаса, глядя как хаммер несется по шоссе на 130 в час, пока водитель демонстрирует мне свои навыки устрашения или совращения, хрен его знает, за дорогой следи, кровосос!

Люций царапнул когтем меня по щеке и я вскрикнула от острой боли. Он повернулся к дороге, облизывая мою кровь с пальцев.

– Это будет забавно...

Я думала, что мне предстоит многое узнать о вампирах. Настоящих древних психах, а не красавцах из фильмов и книг.

04. Это не еда

Вероятно для всех мистических существ, о которых я читала или смотрела фильмы, места в Москве все-таки недостаточно. Возможно в Кремле и живут древние маги, в метро оборотни, в МГУ ифриты, а небоскреб «Газпрома» захватили баньши, но вот вампирам пришлось свалить далеко за МКАД. Люций гнал джип на максимальной скорости, и все равно, когда он свернул с трассы, уже было темно. Включить фары он и не подумал, так что все, что я увидела – кирпичную стену с железными воротами, в которые мы и проехали. И коттедж. Обычный, зубдробительно скучный на вид, совсем как съемная вампирская квартира, где жил Люций.

Встречать никто не вышел. Ворота открылись и закрылись автоматически. Света не было, за исключением пары садовых фонариков, освещавших только пруд и скамейку.

Мне не хотелось вылезать из машины. Я устала и чувствовала себя по-настоящему испуганно и грустно. Адреналин схлынул и весь кураж, на котором я держалась, превратился в тягучую тоску и тяжесть в сердце.

Ничего хорошего мне жизнь не обещала. Это все было нереально, фантастически, но совсем не так, как я мечтала. Избранной меня не назначали и принцы в любви не признавались. Даже в вампирских историях бывают второстепенные персонажи. Здравствуйте, это я.

Люций тем временем, не обращая внимания на мое настроение, возился с вещами, что-то даже насвистывал. Он-то точно был из главных героев. И вряд ли когда-нибудь сомневался в этом.

Он распахнул мою дверь и молча выволок меня за локоть на лужайку перед домом.

– Итак, простые правила, – начал он. – Молчишь, пока я не задам тебе вопрос. Если вопрос задам не я, все равно молчишь. Идешь, пока ведут, отпустили – стоишь. Говорю что-то делать – делаешь, потом снова стоишь и молчишь.

– А...

– Я задавал вопрос? Не помню.

– А то что? – набралась я наглости.

– Глупость людская безгранична... – ответил Люций. – Попробуешь – узнаешь. Может и ничего. А может, будешь жалеть потом очень долго. А может, тебе даже понравится. Идем.

Я похожа на бунтарку? Я тщательно проверила свой арсенал средств сопротивления и психологической подготовки. Нашла его легким. Не похожа.

И пошла за вампиром.

Внутри дома тоже было темно. Вампиры уже легли спать? Здесь вообще никто не живет? Они просто не включают свет? Ну да, вампиры же должны видеть в темноте.

Лестница наверх, коридор. Комната.

Люций открыл дверь и я зажмурилась от ослепительного

света.

Надоела темнота? Получите и распишитесь за все отсутствующее по дороге электричество. Вампир неожиданно остановился и я наткнулась на его спину. Рискнула приоткрыть один глаз.

В светлой комнате на кровати, аккуратно, по-гостиничному, застеленной бежевым покрывалом сидела темноволосая женщина и смотрела на вампира впереди меня так, как родители смотрят на детей, слишком поздно вернувшихся домой.

– Мари! – голос Люция прозвучал нервно и фальшиво. – Ты меня ждала? Как это мило!

Женщина скрестила руки на груди и подняла бровь.

– Я знаю, что я обещал, но знаешь, обстоятельства...

Женщина перевела взгляд на меня. Внимательно изучила мои растрепанные волосы, платье, туфли, вернулась к лицу и посмотрела в глаза. Снова обратила внимание на Люция.

– Человек. – ответил тот на молчаливый вопрос.

– Вижу, – наконец она заговорила. – Мы договаривались не притаскивать с собой ничего.

– Это не еда.

– Что же?

– Ммм... Давай будем считать ее гостьей? – с надеждой предложил Люций.

– Не вампир. Не ученик. Нет метки. Ты нашел потерянных родственников?

– Нет... Это...

– Я знаю, что это! – неожиданно возвысила голос Мари. – Опять твои извращенные забавы! Эшер тебя предупреждал, что больше этого терпеть не будет?

– Ебал я твоего Эшера! – гаркнул в ответ Люций. – Никто не будет мне диктовать условия.

– Серьезно? Тогда что ты делаешь здесь?

– Приехал отдохнуть. И мне нужен подвал.

– Совершенно случайно тебе понадобился подвал и отдых именно тогда, когда нет Эшера. Люц, ты пытаешься хоть иногда думать?

– Нет, конечно. Я оставляю это мамочке Мари и папочке Эшу, – огрызнулся Люций.

– Папочка Эш расскажет тебе все, что он думает, когда вернется.

– Когда он вернется, меня здесь уже не будет. Пусть тебе и рассказывает. Тебе же нравится решать чужие проблемы.

– Ах вот как... – Мари встала и подошла к светловолосому чудовищу. – Ты очень хорошо все придумал. Кроме пары мелочей.

– Каких? – Люций замер.

– У нас общий сбор. Так что двигайся в сторону гостиной сразу же, как распихаешь свои игрушки по тайникам. – Мари обошла меня и вышла.

Люций бросил сумку, которую все еще держал в руках, на пол и зарычал.

– Вот блядство! – он пнул ножку стола.

05. Родительское собрание

Люций обернулся ко мне. Его тонкие черты лица сейчас казались уродливыми. Рот кривился, видно было выступающие клыки. На что бы он ни рассчитывал, все оказалось совсем не так, как хотелось.

Вот только к лучшему это для меня или к худшему?

Он метнулся по комнате, снова зарычал. Смахнул с тумбочки у кровати настольную лампу, шарахнул дверцей бара, доставая стакан и бутылку с виски.

Налил стакан и выпил половину одним глотком. И уставился на меня.

От его красоты снова захватило дух. Чудовище, настоящий монстр, реальный вампир, грубое и безжалостное создание, а я... А я люблюсь. Его стройным телом, белоснежными длинными волосами, сейчас растрепанными и запутанными. Изящным тонким носом, белой кожей и чернейшими в мире глазами, превращающими его из просто симпатичного блондина в демона. В его зрачках мрак будто клубится, живет самостоятельной жизнью. Невозможно оторваться. Хочется сделать шаг вперед, и еще, и еще. И продолжать смотреть в эту бездонную живую черноту. Не отрываясь. Не останавливаясь. Пока мрак его глаз не затопит весь мир.

– Выпей, – в моей руке сам собой оказался бокал с вис-

ки. Я мгновение или два пыталась сделать выбор между тем, чтобы продолжать смотреть в изначальную тьму глаз вампира или выполнить его приказ.

– Пей, блядь! – такой приказ оказался понятнее, и я поспешно глотнула из бокала, все-таки прекратив смотреть ему в глаза.

Виски обжег рот, я закашлялась и морок спал. Он меня заморозил! И это было приятно.

– Зачем... – выдавила я из себя, когда прокашлялась.

– Просто так. Допей, – Люций напряженно смотрел на меня, глаза уже не были столь замораживающе красивы, хотя его привлекательность все еще была при нем.

– Не хочу. Я не пью виски.

Люций вздохнул и шагнул ко мне. Вынул бокал из руки, допил сам.

– Пришло время объяснить кто здесь кто. Слишком быстро, но что поделать.

Он сгреб одной рукой мои запястья и притянул к себе. Второй рукой прижал сжал мой затылок и жестко зафиксировал.

Я дернулась. Он держал крепко. Волна ужаса начала медленно наползать на мое сознание. Я перестала дышать от страха. В голове стучала кровь.

– Мои приказы должны выполняться. Я хотел, чтобы ты поняла это по-хорошему, но время, время...

Он сжал руки сильнее, до боли. Алкоголь затопил меня

теплом и смешался с ледяной от ужаса кровью. Ноги не держали, но Люций прижимал меня к себе, и я не могла даже упасть.

– Тебя сначала наказать, чтобы было неповадно? – свистящим голосом прошипел он мне в ухо. – Да, я думаю, да. А то до сих пор ты видела только сладость вампирской жизни.

Сладость? Я вспомнила боль в плече во время ночного нападения. Потом издевки у меня дома. Убитого терапевта. Приказы и угрозы по пути сюда. Если это была сладость...

Люций наклонился и дотронулся клыками до моей шеи. Я замерла. Кончики едва-едва касались кожи и я чувствовала их остроту. И ледяное дыхание Люция, овевавшее то место, которого они касались.

А потом он воткнул их в меня. Медленно. Больно. Чертовски больно. Острые тонкие зубы входили в горло, протыкая кожу слой за слоем, потом прикасались к тугой артерии и пронзали уже ее... И я даже не могла закричать, потому что захлебнулась вдохом от невыносимой разрывающей боли.

Я отчетливо ощутила, как лопнула артерия, выплескивая Люцию в рот мою кровь, заполненную страхом. Почувствовала, как он прижался губами к ране и начал высасывать из меня жизнь. Тянущее ощущение, будто кто-то достает всю меня через маленькое отверстие, все усиливающаяся боль... Я захрипела и непроизвольно дернулась. В ответ Люций воткнул клыки глубже и сжал меня так, что хрустнули кости.

И вдруг меня затопило тепло. От раны в шее облегчение,

расслабление и жар стали расходиться по всему телу. Сантиметр за сантиметром волна распространялась, заполняя голову, руки, доходя до кончиков пальцев и покалывая изнутри горячими пузырьками. Как самый долгий в мире оргазм, медленный и подробный. Как объятие после долгой разлуки. Как возвращение домой. Как все наркотики сразу.

Я едва ощутила, как Люций, не отрываясь от моей шеи, протащил меня до кровати. Отлично. Стоять я бы все равно не смогла.

Он сделал еще несколько глотков, но теперь я чувствовала, что утекающая из меня кровь уносит все самые темные мысли и страхи, освобождает меня от плохого.

Так же медленно, как вонзал, он высвободил клыки, но движение обратно принесло мне головокружительное удовольствие.

А потом прикоснулся губами к моим губам и я почувствовала на них железный вкус своей крови.

– Ну вот теперь все в порядке!

Я должно быть отключилась ненадолго и пришла в себя только от бодрого голоса Люция. Он стоял у двери комнаты и, кажется, даже успел переодеться. Я все еще валялась на кровати и чувствовала себя... странно.

– Что... – я откашлялась, поднесла пальцы к губам и увидела на них кровь. – Что это было?

– Метка, дорогая. Теперь твое присутствие здесь несколько более определено.

– В смысле?

– В смысле теперь ты принадлежишь мне, и каждый грешный вампир в окрестностях это знает.

Я села. Ага. Он меня укусил, потом поцеловал. Сначала больно, потом приятно и еще немного крови. Очаровательно, именно так и должно все происходить в компании вампиров в идеале.

– Что-то не так? – Люций состроил заботливый вид, но усмешка все еще выдавала его.

– Что значит – метка?

Люций закатил глаза. Не похоже было, что ему нравится что-то кому-то объяснять.

– Ну ты же читала кучу дерьма про вампиров! Неужели не знаешь?

– Среди этой кучи не было учебника про... настоящих, мне кажется.

– Тем лучше. Сюрприз будет, – Люций подошел и довольно грубо схватил меня за руку, стаскивая с кровати. – Идем, у нас родительское собрание, чтоб их всех!

Пришлось встать и потащиться за ним. В коридорах было по-прежнему темно и я все время спотыкалась, вызывая поток ругани у моего нетерпеливого спутника.

Я как раз размышляла об утомительности путешествий в темноте и экономии электроэнергии богатой нежитью, когда мы наконец пришли. Зал, куда мы попали, был освещен всего несколькими свечами, но я не успела порадоваться, пото-

му что Люций щелкнул выключателем и мне снова пришлось зажмуриться.

Проморгавшись, я наконец увидела... О! Я была бы рада описать интерьер, все-таки я нечасто попадаю на собрания вампиров в их логове, но сами вампиры были куда интереснее.

Мне показалось, что я попала в рай. Или, может быть, в ад? Комната была забита людьми... или вампирами. И почти все они были мужчинами. И все – все! – они были слишком красивы для того, чтобы быть реальными.

Блестящие волосы, сияющие глаза, безупречные фигуры, стильная одежда, острые скулы, белоснежная кожа, тонкие пальцы, кольца – сборник «Самый сексуальный мужчина планеты, финальная версия». Я переводила взгляд с одного безупречно красивого лица на другое и забывала дышать.

Люций слегка подтолкнул меня в спину и я все-таки сделала шаг внутрь комнаты. Все взгляды устремились на меня.

– Добрый вечер! – ко мне обратился очень высокий и худой мужчина с растрепанными черными волосами. Он был одет в черные джинсы и водолазку и казался почти нормальным, но его пальцы были унизаны десятками колец, и тонких, и широких, и с узорами, и с камнями.

– Здравствуйте... – я понимала, что сейчас самое время снова почувствовать себя в опасности, но была слишком ошеломлена красотой этих созданий.

– Вы нас не боитесь? Почему? – мужчина подошел ближе

и я подумала, что стоит спрятаться за Люция. Его я уже знала, а этот вампир, возможно, голодный. – Мне кажется, что в такой компании человеку быть небезопасно.

Я сделала еще несколько шагов, оказавшись посреди комнаты. Терять было нечего – слиться с пейзажем уже не удастся.

– Почему небезопасно?

– Потому что мы тут все очень, очень плохие. – оскалился красавец с кольцами, – А тот, кто заставляет нас держать себя в руках, что-то опаздывает...

– Я просто... Просто... – я не находила, что ему ответить, слишком пристально он смотрел мне в глаза.

06. Сюрприз!

– Вы просто немного устали, – раздался насмешливый голос у меня за спиной. Я стремительно обернулась.

Хотя – стремительно – в компании вампиров? Просто обернулась. И наткнулась взглядом на взгляд в упор мерцающих зеленых глаз. Глаз, находящихся на расстоянии примерно десяти сантиметров от моих. Пока я пыталась быть стремительной, обладатель насмешливого голоса уже приблизился ко мне. Я машинально отшатнулась, но он шагнул ко мне снова.

– Добрый день, – заметил он. – меня зовут Эшер.

Я отступила на шаг, он снова неприлично приблизился. Еще шаг назад – расстояние между нами осталось прежним. Я сообразила, что наше танго выглядит немного глуповато и перестала дергаться.

Эшер тут же отошел.

На вид он был едва ли сантиметров на пять выше меня. Рыжие волосы... Странный темно-рыжий цвет, похожий скорее на шерсть какого-нибудь животного, чем на человеческий окрас. Зеленые глаза – цвета первой весенней листвы. Бледная кожа. Разумеется. Черная рубашка, черные джинсы, босой. И разглядывает меня с тем же болезненным любопытством, что и я его.

– Скажите, леди, а вы всегда ходите по городу в длин-

ных черных платьях или приделались специально для визита к нам? Заметьте, я не спрашиваю, как вы тут оказались или что вы тут делаете, хотя мог бы... – он наклонил голову и из-под упавших на глаза прядей посмотрел на Мари, которую я только что увидела. Она сидела в кресле и напряженно наблюдала за нами.

Надо думать, Эшеру ее взгляд что-то объяснил, потому что он вновь повернулся ко мне.

– Красивое, говорю, платье. Эмо, гот? Декаданс? Вдова? Фэнгбэнгер?

– Чтобы стать последним, надо как минимум иметь вампиров в знакомых.

– Теперь они у вас есть.

– Просто люблю длинные платья и черный цвет.

– Ага, депрессия и дисморфофобия. Хотите чаю?

– Нет, спасибо.

– Комплекс неполноценности. И судя по тому что еще не ответили какой-нибудь колкостью, еще пара-тройка социальных отклонений. Ну конечно, разве в нашу милую компанию могла попасть нормальная девушка, с хорошей фигурой, белозубой улыбкой, любовью к теннису и дискотекам? Пора нанимать пиарщика.

Я уже готова была ответить какой-нибудь колкостью, как он и хотел, но не нашлась.

– Вы знакомы со всеми присутствующими? – поинтересовался Эшер, отводя от меня взгляд. – А то я знаю за эти-

ми господами нехорошую привычку забывать о приличиях, требуя соблюдать их от всех окружающих.

Я неопределенно пожала плечами.

Эшер понял меня правильно. Он лишь оглянулся на Мари и снова стремительно приблизился ко мне, протягивая руку. Я вложила в нее ладонь и меня повели по комнате в некотором извращенном варианте полонеза.

– Это Мари. Она тут главная, когда меня нет, – Мари не шевельнулась, она вообще последние несколько минут напоминала хорошо раскрашенную очень красивую статую.

Эшер не обратил внимания на ее равнодушие.

– Хотя ее ты уже наверняка знаешь. Наша Мэри не может не поучаствовать во всем, что происходит вокруг. Это Маэстро. Нет, не имя. Имя он сам скажет, если захочет.

Эшер выпустил мою руку только для того, чтобы высокий лысый мужчина в длинном серебристом пиджаке завладел ею и поднес к губам. В лучших традициях он не отрывал от меня взгляда, пока наклонялся и легко-легко касался ее губами... У него были удивительно теплые карие глаза, в которых светились ум, доброта и сила. Мне даже показалось, что его пальцы намного теплее, чем у других вампиров. Будто его кровь гонит сердце, будто она горяча... Именно такой защитник мне и был нужен. Пожалуй, стоило бы ему довериться, сбежать из-под власти Люция, а там... А там посмотрим. Вернуться ли к своей жизни или стать бессмертной, какая разница. Он мне поможет, что бы я ни выбрала. И среди

вампиров встречаются надежные люди.

– Пррррррекррратить! – меня дернули за плечо и натянутая нить взгляда оборвалась. Я еле удержалась на ногах, но даже не пытаюсь узнать, что случилось, вновь искала глаза, в которых увидела надежду... Однако Маэстро стоял, опустив голову и убрав руки за спину. Он напоминал нашкодившего ребенка, который знает, что сейчас получит головомойку и готов к ней был еще до того, как нахулиганил.

– Это наша гостья, а не еда! Вроде бы... – неуверенно добавил Эшер, обернулся к Мари, получил кивок и снова обрушился на лысого вампира. – Ты что, голодный? Или это уже рефлекс? У тебя расстройство пищевого поведения или ты меня побесить решил?

– Леди, – это уже мне. – Прошу прощения за поведение этого господина. Что бы им не руководило, это просто невежливо, использовать гипноз на тех, кто у нас в гостях. Да и смысл? Надо будет – съедим и так. Куда отсюда деться?

Не сказать, чтобы этот аргумент меня успокоил. Я вообще в этот момент сильно переживала из-за того, что такое теплое чувство оказалось просто развлечением одного из вампиров.

– Ладно, продолжим. Постарайтесь только не смотреть им в глаза. Я конечно приму меры, если что, но вы станете слишком нервной. Это Доминго.

Юноша с темными кудрями, похожий на ангела с картины эпохи Возрождения не поднимал глаз. Он слегка покло-

нился, длинные ресницы затрепетали, будто он желал взглянуть на меня, но не мог себе позволить. Эшер каким-то удивительно нежным движением провел по его волосам и что-то сказал по-испански. Доминго на секунду вскинул на меня глаза, посмотрел насквозь и снова поклонился.

– Кхм. Ладно. Идем дальше. Этот отпетый красавчик – Люций. Его лучше ни о чем не спрашивать, несмотря на присутствие дам, он не стесняется в выражениях.

– Мы... некоторым образом знакомы, – поспешила прошептать мне я.

Эшер перестал улыбаться и внимательно посмотрел на Люция, потом на меня. Снова на Люция. Обнял меня за плечи, притянул ближе и как будто принялся.

– Да уж. Ладно, этот вопрос мы обсудим позже. Дальше у нас Апрель. Самый юный из... кхм... компании. Присоединился всего лет пять назад. Тебе бы с ним связаться, все ближе по времени. Хотя он бы не удержался и съел, конечно.

Я едва слушала, испуганная ухмылкой Люция. Я явно сделала что-то не то и мне это еще аукнется. Поэтому на следующего вампира взглянула лишь мельком.

И едва сдержала крик!

Эшер уже был между нами, готовый к агрессии самого юного, очевидно. Но дело было не в этом.

Апрель – это был Костик. Ну Костик, да. Моя первая любовь, мой первый поцелуй, моя первая потеря. Он умер пять лет назад, и я была на его похоронах в отвратительный но-

ябрьский день, который помню минута за минутой. Даже больше – минута за минутой с телефонного звонка до первой горсти земли, кинутой на крышку гроба кем-то из родственников. А потом не помню. Мне тогда казалось, что это шутка, что он живой. Мне еще долго так казалось, если честно. До сегодняшнего дня буквально. Потому что он живой. Точнее – неживой. Сердце не обманешь, не так ли? Я много лет надеялась случайно столкнуться с ним и, боюсь, не утратила этой надежды и после похорон. Мечты сбываются.

– Так-так... – мое ошеломленное состояние о чем-то говорило Эшеру. – Так-так... Я, как обычно, прав. Ты с ним и связалась, но немного не так.

Эшер обошел вокруг скульптурной композиции «Женщина средних лет увидела свою мертвую первую любовь». Костик смотрел на меня и ничего не говорил. Он только изредка косился на Эшера, но ничем не помогал.

– Но все не так просто... – протянул Эшер. – Думаю, на этом церемонию знакомства лучше свернуть. Люций! Забери ее и делай, что хотел, только не убивай. Разговор откладывается. Апрель, Мари, за мной.

Эшер стремительно вышел. Вслед за ним потянулись не только названные, но и многие из оставшихся. Люций поманил меня пальцем. Я только фыркнула и отвернулась. Стоящий напротив меня незнакомый вампир только покачал головой. Он с интересом наблюдал, как я разворачиваюсь против своей воли и, повинувшись манящему жесту, иду к Люцию.

Когда я сделала попытку оглянуться, я заметила, что он только показал Люцию поднятые вверх большие пальцы и скрылся за дверью вслед за остальными. Но тут Люций снова сильно развернул меня к себе.

– Запомни, идиотка! – прошипел он, – Я твой хозяин здесь. И ты, блять, будешь мне подчиняться сразу, иначе сильно пожалеешь. И на Эша можешь не надеяться.

– Почему?.

– Потому что я найду ему другую игрушку и он даже не обратит внимания, что я испортил первую.

Когда я успела стать еще чьей-то игрушкой, интересно? Зато теперь понятно, что вампирская метка – отвратительная штука, дающая власть над моим телом вампиру. Вероятно тому, кто ее поставил. Мне остро не хватает инструкций. И ответов. И одеяла, чтобы под ним спрятаться и хорошенько подумать.

Люций и метка, Эшер и игрушка, Маэстро и гипноз, Костик... слишком много всего.

В комнате остались только мы с Люцием. Теперь я заметила и камин, и высокие французские окна, закрытые тяжелыми шторами, и восточный ковер на полу, и насмешившие меня вазы с цветами, живописно расставленные на столиках и каминной полке. Такой гостиничный жест. Или сериальный. В настоящих домах, где живут люди, такого не бывает. Никто не будет каждый день покупать домой свежие цветы в таком количестве только чтобы они побыли деталью инте-

рьера. Это для гостей. Надо ли понимать, что тут часто бывают гости?

Может быть, мой разум просто цеплялся за эти цветы, чтобы не думать обо всем остальном? Я не понимала, что меня ждет, никак не могла это узнать и вероятно не в состоянии была повлиять.

Люций сжал пальцами переносицу. Упс – у вампира тоже проблемы.

– А теперь расскажи мне вот что...

Или проблемы все-таки у меня...

– Какого хрена ты выперлась со своим «мы знакомы»? Я говорил молчать! И какого хрена ты полезла к Маэстро? И хамила Эшу? Ты вообще, блять, могла помолчать и постоять, как я говорил?!

– Видимо не могла. – я встретила бешеный взгляд Люция. Хорошо бы добавить, что бестрепетно встретила, но чего нет, того нет.

– Ты вообще дура необучаемая или тебя просто пиздить хорошо надо? – Люций сложил руки на груди. – Ты только намеки, чтобы я зря время не тратил.

– Мне, может, интересен ответ на вопрос.

– Какой?

– Ну тот – «а то что?» Ты меня тогда только укусил и поцеловал и в целом мне понравилось. Это было оно?

– Охуеть. – Люций почти растерялся. – Вот ты наглая. Освоилась уже? Решила, что плохого ничего не будет?

Я неопределенно пожала плечами. Самой интересно, в кого я такая смелая. Возможно, просто передозировка впечатлений.

– В принципе, это все упрощает. Ты теперь моя собственность и подвал открыт для нас официально.

Люций тряхнул головой и посмотрел мне в глаза. Зрачки были неотличимы от радужки – и то, и другое как тоннель во тьму. Мне показалось, что он даже доволен моим поведением. Или слишком зол и оттого почти ласков.

– Метка твоя неглубока. Ты можешь говорить с кем хочешь и делать, что хочешь. И тебе это не понравится. Идем!

Снова путешествие в темноте. Мимо нас проскальзывали тени и шорохи – никому из вампиров не требовался свет. Лестница, ступеньки вниз. Мы в подвале. Щелчок выключателя – слабый желтый свет.

Никогда не думала, что попаду в такую историю. В бетонный подвал. У стены которого стоит настоящая большая клетка. С цепями. С наручниками. Длинными цепями – я смогу передвигаться по клетке. И все. И эти наручники наденут на меня. И запрут клетку. И оставят вот так – на голом полу, без еды, воды, туалета и даже подстилки. И потом еще выключат свет.

Ну что, кто тут хотел получить возможность все обдумать?

07. Одно из занятий, оказавшихся неинтересными

Первые пять минут я почему-то надеялась, что меня просто пугают. Что это все ненадолго и Люций вернется, обматерит меня и расскажет, что это и было наказание. Честно говоря, на фоне остальных он стал пугать меня намного меньше. Они были какие-то совсем не похожие на людей. Может быть, дело в возрасте? Люцию, например, лет сто, а Мари тысяча, вот она и ведет себя спокойнее. А он просто не перебесился еще от своей вампирской силы.

Или Эшер – он пугал меня сильнее всего, хотя не сделал ничего плохого. Даже наоборот – похоже, только он и держал Люция в рамках приличий. Но в Эшере была абсолютная чуждость. Он защищал меня, как я защищала бы хомячка от претензий наглых, но любимых кошек. В принципе на хомячка всем плевать, но какой-то гуманизм требует оставлять его в живых до естественной кончины. Гуманизм... От *humanitas* – человечность. Это если вампиры – человеческий вид. А если нет?

Следующие полчаса я думала, что вся вампирская фигня – это галлюцинации. Меня похитил какой-то маньяк и накачал наркотой. Вероятно, я все-таки веду свой род от Фомы Неверующего. Или у меня качественные психологиче-

ские защиты. Должно быть, реальность настолько невыносима, что я заместила ее выдуманным миром с красавцами и приключениями. И отголоски реальной боли все-таки пробираются в него. Что будет, если я умру там? А здесь?

Я прикусила палец. Больно. Значит не сплю. Нажала на глазное яблоко – может что-то и не раздвоилось, как при галлюцинациях, но в темноте все равно не видно. Больше способов протестировать реальность я не знала.

Еще час я боялась темноты. Отличная идея – после всего, что со мной случилось. Монстры из темноты уже появились, теперь хочу, чтобы они вернулись за мной. Интересно, Люций часто охотится на «Измайловской»? Сколько жертв закопано в парке? А другие вампиры? Вообще посмотреть бы статистику пропавших без вести, можно было бы вычислить популяцию вампиров.

Кстати, а в дом они заходят, похоже, без приглашения. Вычеркиваю еще один миф из мистических книг. Наверное, я не зря боялась темноты даже на кухне своей собственной квартиры. Вот так идешь вечером в туалет после фильма ужасов, ругая себя за глупые страхи, а потом раз – и уже никуда не идешь, лежишь, истекаешь остатками крови. Хотя после кормления вампира уже ничего никуда не течет, наверное.

Потом я замерзла. И захотела пить. Потому что еще минут десять я орала «На помощь!»

Следующий час я изучала клетку и цепи. Наручники на

ошупь были похожи на настоящие. Хотя откуда мне знать, как выглядят настоящие наручники? Клетка была заперта на висячий замок. К сожалению, у меня не было ни шпилек, ни ключей, ни даже зубочистки, так что попробовать себя в роли взломщика мне не светило. Цепи были прикреплены к стене. Я даже подергала их немного, но совершенно без толку.

Сидеть на бетонном полу было холодно, так что я бродила по клетке, позвякивая железом. Очень романтично и интересно.

Пока не стало безумно скучно. Может быть, так мозг защищается от перегрузки? Пофиг. Темно, пусто, заняться нечем. И совершенно не хочется размышлять обо всем, что произошло. Хочется в тепло.

Узником быть неинтересно, пришла я, наконец, к выводу.

08. Мамочка Мари

Спустя несколько часов я наконец услышала самый прекрасный звук в мире – открывалась дверь.

Мне уже было все равно, что со мной станет – съедят меня, трахнут или убьют. Мне просто хотелось уже кого-нибудь увидеть.

В подвал спустилась красotka Мари. Я несколько насто-роженно встретила ее взгляд. Я ее не понимала.

Не то чтобы я лучше понимала остальных вампиров – я в их существование-то до сих пор не особо верила. Но они были мужчинами, красивыми мужчинами и очень красивыми сексуальными мужчинами. Это как-то вызывало больше доверия, чем очень красивая женщина, которую все эти идеальные мужчины слушаются. В нашем мире женщину слушаются, только если она раз в пять сильнее мужчины, занимающего то же место. А это были сильные вампиры. Значит она держала их за яйца железной рукой.

А еще женщины не любят женщин. А еще я была явной проблемой. В общем, я бы лучше встретилась с кем-нибудь другим.

Мари прошла в центр подвала и встала под лампой. Изучила меня своим каменным взглядом. Мне захотелось поправить цепи поровнее и застелить кровать. Ах черт, жаль, что кровати нет.

– Как тебе это удалось? – Мари шагнула ко мне. Я приблизилась к решетке со своей стороны.

– Что? Соблазнить прекрасного Люция? – наглость моя единственная защита.

– Соблазнить? – Мари рассмеялась. – Нет, скорее удержаться от...

– От чего?

– От того, чтобы он тебя сожрал или обратил. Ну или хотя бы поимел. Люций не отличается сдержанностью. Его обычные проблемы после загула на выходных – пара трупов, какая-нибудь безумная истерзанная девушка и абсолютное самодовольство. Иногда – свеженький вампиреныш, забытый где-то в городе. Мы потом дня три его ищем.

– Ну я была феерической дурой, – поделилась я с ней. – Он предложил мне стать вампиром, и я отказалась.

– Тогда он должен был тебя съесть. И изнасиловать. Или наоборот.

– Я не знаю... – я растерялась. – Может быть, я оказалась недостаточно вкусной и красивой?

– Он ведь поставил метку? Уже после того, как привез тебя сюда?

– Он говорит, что да.

– И Эш говорит. Я не чувствую такую слабую метку, мне с Люцием нечего делить. Но сначала не было и ее. То есть он привез обычного непривязанного человека сюда и не для еды.

Она задумалась и отошла. Я деликатно позвенела цепями, как бы невзначай. Вдруг это наведет ее на мысль, что меня можно было бы и освободить? Но Мари только провела рукой по волосам и снова ушла в свои мысли. Она почти не шевелилась, замирая как статуя. Люций так не делал. Да и остальные вампиры шевелились побольше. Интересно, у них есть какие-нибудь отличия или все умеют завораживать как Маэстро и замирать как Мари?

– Так. Не думаю, что Люций задумал что-то хорошее. Но ничего поделать не могу.

– А можно воды? – я осмелилась все же напомнить, что я человек.

– Да все можно! – Мари подергала замок на клетке пару раз, а потом сорвала его одним движением. – Кроме свободы.

Я вышла и с надеждой посмотрела в сторону двери.

– Нет, нет. Ты останешься тут, конечно, – Мари преградила мне путь. – Мне и без того забот хватает. Но тут есть нормальная комната с кроватью и туалетом, холодильник и даже одеяло. Так что устраивайся и будем надеяться, что Люций помнит, что он от тебя хотел и не забудет здесь тебя, уехав куда-нибудь кататься на лыжах.

– На лыжах? – Я как раз нашла дверь в обещанную райскую комнату с одеялами, но не обернуться не могла. – Люций на лыжах?

Мари дернула плечом.

– Что тебя смущает? Неужели он не выглядит достаточно

спортивным для такого занятия?

– Ну, солнце...

– Ах, солнце... – Мари улыбнулась и ободряюще кивнула мне в сторону комнаты. – Ты иди, укрывайся. У тебя даже температура понизилась.

– Вы не боитесь солнца? – глупый вопрос, я уже видела Люция днем, но мало ли...

– Мы не боимся и чеснока, крестов, святой воды, серебра и осины. Я все суеверия перечислила или что-то забыла?

– Вербена!

– Ну давай теперь будем выдумывать всякую ерунду как в сериалах!

– А чего же вы боитесь?

– Глупых вопросов. Не буду же я давать тебе детальную инструкцию по уничтожению вампиров? Все, я пошла. Располагайся, чувствуй себя как дома. Свет я оставлю. Завтра зайду. Если Люций до этого времени не придумает, что с тобой делать, позову Эшера.

– А кто он?

– Эшер? – Мари была уже у двери. – Считай... начальник зоопарка.

И она растворилась в темноте вместе с прощальным смешком. А я, наконец, нашла одеяло и воду. И кровать, на которую и завалилась, закутавшись в это одеяло.

09. Страхи и мечты

Поспать или подумать мне не дали.

Дверь открылась, раздались шаги. У меня сегодня приемный день.

Звякнул замок на клетке.

Дверь в комнатку открылась, и в нее заглянул вампир, которого я помнила. Он еще спрашивал, почему я их не боюсь.

Наверное, самый любопытный.

Увидев, что я не сплю, он зашел и закрыл дверь за собой.

Мне стало неудобно. Вот так тщательно закрывают двери те, от кого ничего хорошего ждать не приходится. Я села на кровати и подобрала под себя ноги, плотнее закутавшись в одеяло.

Вампир тут же сел на освободившийся край кровати.

– Привет.

– Привет... – настороженно ответила я. Чувство самосохранения сообщило мне, что оно пас. В новой системе координат я не могла понять, кого следует бояться больше – психа Люция, холодную Мари, дружелюбного Эшера, какого-нибудь особенно завораживающего красавца или этого, любопытного и выглядящего почти как человек.

– Макс, – представился тот, прижав руку к груди и склонив голову. Кольца, которыми были унизаны его пальцы, тихо звякнули, ударяясь друг о друга.

– Алина, – в свою очередь представилась я и задумалась – а знает ли Люций, как меня зовут? Он не спрашивал, но зато всюду совал нос. И нашел меня у терапевта. Наверное, знает.

– Чего бы вы хотели, Алина? – вежливо спросил Макс, забираясь при этом с ногами на кровать. У меня такое ощущение, что у вампиров вообще нет личного пространства, так и норовят придвинуться поближе.

– В смысле?

– Во всех. Я могу почти все. Или с вашей точки зрения – все. Вряд ли вам придет в голову что-то, чего я не могу.

Ага, ага, подумала я. Бесплатный сыр в мышеловке.

– А что взамен?

– Ну что я могу попросить взамен, сами подумайте? Кровь, жизнь и бессмертную душу, – усмехнулся вампир.

– Тогда, пожалуй, ничего.

– Тогда я возьму это все просто так... – он наклонился в мою сторону, оперся на мои согнутые колени и еще больше сократил дистанцию.

У меня не выдержали нервы.

– Как меня достали вы все, маньяки!!! – заорала я и кинула в него подушкой. – Больные! Монстры! Что вам надо-то?! Да прибей ты меня уже! Кровь, жизнь, что хочешь!

Я вскочила с кровати и стала швырять в Макса всем, что попадало мне под руку. Чашки, книги, какие-то коробки – все, что находилось в комнате, летело в вампира, пока я продолжала орать и предлагать то меня убить, то отпустить, то

просто крыла его на чем свет стоит.

– Мне! Надоело! Это! Все! – я рухнула на пол и разрыдалась. Между прочим, игра в доброго и злого полицейского нужна не только для того, чтобы подозреваемый выболтал по-хорошему то, что не вышло узнать по-плохому. Постоянное агрессивное давление просто сводит человека с ума. Нужно, чтобы воздействие хоть как-то дозировалось. А они все приходят, мучают, нависают, ничего не рассказывают. И они вампиры, черт возьми!

– Как непринужденно мы перешли на ты, – услышала я насмешливый голос с кровати. – Надо взять этот метод на вооружение на случай важных переговоров. Очень быстро сокращает дистанцию и вызывает доверие.

Я подняла глаза. Слезы уже переставали течь и я начала осознавать, что нападать на хищника – не лучшее поведение для того, кто находится ниже его в пищевой цепочке. Макс сидел, откинувшись на стену. Вещи, которыми я швырялась, валялись вокруг него.

– Давай ты успокоишься, и мы начнем с начала? – предложил он.

– Начнем что? Что вам от меня надо?

– Осмелюсь напомнить, что ты уже перестала использовать вежливую форму обращения, так что предлагаю не сдавать завоеванных позиций. Мне просто любопытно, если хочешь. Я видел немало... – он затруднился с поиском слова, – подруг Люция. Или его игрушки, как он их называет. И мне

все еще интересно, что между вами общего.

Я пожалала плечами. Мне откуда знать.

– Вставай. – Макс легко спрыгнул с кровати, из расслабленной позы разом оказавшись стоящим рядом со мной. – На полу подвала плакать не только неудобно, но и вредно.

Он поднял меня за локоть и усадил на стул, стоящий почти посередине комнаты. Я на миг удивилась, почему не запустила в него еще и стулом. Наверное чувство самосохранения решило все же немного поработать.

– Я предлагаю тебе любое желание... – он не вернулся на кровать, а стал расхаживать по комнате. Когда он оказывался у меня за спиной, я замирала и съеживалась. – Без шуток, без условий. Люцию не понравится, если я тебя испорчу, а я не хочу с ним драться.

– А если я захочу, чтобы ты выпил мою кровь? – когда дьявол приходит предлагать тебе контракт, надо обязательно поискать баги и абызусы. Может и не найдешь, зато торговаться будет немного проще.

– Я выпью, что же поделать. Но кидать золотую рыбку в уху я все же не советую. Давай обойдемся теми желаниями, которые не нанесут нам обоим вреда.

– А как ты выполнишь остальные?

– Я все-таки сверхъестественное существо, я справлюсь, – рассмеялся Макс, проскальзывая у меня за спиной почти неслышно и снова появляясь в поле зрения. Его кружение начинало меня беспокоить.

– Зачем это тебе?

– Я хочу узнать тебя... Понять тебя... Найти то, чем ты привлекла Люция. Как и другие.

– Он сказал, что ничем. Случайность.

– Не надо искать самой. Это мое дело... Не думай, просто отвечай... – его голос становился все тише и мелодичнее, сам он превращался то ли в призрака, то ли в тень. Я уже не следила за его перемещениями.

– Чего ты хочешь? – прошелестел голос у меня над ухом, – О чем мечтаешь? Чем гредишь? Я хочу знать.

Я закрыла глаза, стараясь не видеть скользющую вокруг меня тень, но от этого голос искуителя получил больше власти надо мной. Мне уже хотелось ответить на его вопросы и попросить исполнить заветное желание. Но какое оно?

– Расскажи мне свои детские мечты... свою подростковую боль, свои решения юности и разочарования молодости... Где ты хотела жить?

– Все равно... – выдохнула я. – Только бы не здесь, не в этом мире...

– А потом?... когда другой мир не пришел за тобой – где?

– Глупо...

– Конечно, глупо. Разве адекватные взрослые мечтают жить в других странах? Они ведь понимают, что никому там не нужны.

– Да... В Новой Зеландии рак кожи...

– И никаких противных насекомых, почти нет людей и го-

ловокружительная сочная природа, будто там вечная весна. Разве взрослые девочки хотят вечной весны? Они хотят выучить английский, получить МВА и карьеру в Германии.

– Швеции...

– Даааа... Швеции. Чем же она плоха?

– Я там не нужна...

– Повторяемся.

– Надо работать, холодно.

– Да, в самом деле – зачем тебе их социализм и равноправие, когда так холодно. К тому же нет возможности делать карьеру через постель.

– Я не...

– Конечно, ты не. Еще! О чем ты мечтала? Тихом муже?

Который будет любить тебя вечно и во всем соглашаться?

– Улыбаться...

– Как Том Круз или как Зак Эфрон?

– Шпиона, суперагента...

– Чтобы стрелял и делал настоящие трюки, чтобы водил все, что движется и узнавал духи по шлейфу.

– Водить я сама...

– Да-да. А потом она решила сама стать принцем. Богатство?

– Чтобы не думать.

– Думать вообще вредно, но согласен – кому нужен ваш

Париж после многодневных очередей к бюрократам.

– Тепло...

– Замерзаешь даже в июле? Лето-то кончается.

– Лето кончится... не скоро... – слезы сами текли из глаз, а я держала дыхание, чтобы не разрыдаться.

– Но кончится, и с ним все хорошее.

– Нет!

– Да. Белые платья, которые ты никогда не носила, открытые машины, бесполезные в Москве, зеленоглазые суперагенты, высокие блондины, алые тюльпаны, друзья, которые есть у кого-то другого, талант, которого не было, ночь, которая кончилась в 19 лет, вечная любовь, уходящая вместе с зеленой листвой.

Я могла лишь сжимать губы все крепче и крепче, зажмуривать глаза и стараться не отпустить на волю слезы и крик.

– А еще я всегда хотела встретить вампира.

– Ты его встретила!

Я вскинула голову. Макс стоял напротив меня. Его морок рассеялся. Он довел меня всего лишь словами.

– Доволен? – в моем голосе все еще звенели слезы. Но Макс меня не слушал. Он снял с пальца одно из своих колец. Серебряное, широкое. Он подбросил кольцо на ладони и показал мне. На нем была звериная морда с желтыми камнями на месте глаз.

– Ты его встретила. Самого безумного вампира в этом городе и, может быть, даже стране. Довольна ли ты исполнившейся мечтой?

– Не знаю.

– О, все еще не знаешь? Удивительно сильны инфантильные желания. Посмотри на это кольцо. – он поднес ладонь поближе. – Если ты увидишь такое у Люция, сообщи мне. Я даже запишу тебе свой мобильник.

Я вопросительно посмотрела на Макса. Инфантильные желания – хорошо, я понимаю. Но с чего он взял, что в остальном я тоже наивна? Я что, больная, участвовать в разговорах одних вампиров против других?

– Мне кажется, я нашел, что общего между тобой и другими. Теми, кого Люций приводил сюда, по крайней мере. Если я прав, то в ближайшее время ты окажешься замешана в какую-нибудь скверную историю с тем новеньким, которому тебя представил Эшер.

Я ахнула про себя. Костик! Почти забыла о нем.

Не почти – совсем забыла, увлеклась болтовней. А ведь хотела расспросить кого-нибудь о нем, увидеть.

Макс наблюдал за мной, сощурился. Он вернул кольцо на палец, и мне показалось, что глаза зверя на нем недобро сверкнули.

– Не бойся Люция. Я страшнее.

Я не смотрела, как он уходил. Никаких укусов, никакой физической боли, но я уже соскучилась по светловолосому садисту.

10. Папочка Эш

Когда дверь снова хлопнула, я едва удержалась от стога. Они все по очереди будут приходить знакомиться?

К счастью, я ошиблась. В комнату вошел Эшер, окинул взглядом бардак и коротко бросил: «Пошли».

За время моего заточения наступил день и дом преобразился. Окна открыты, и сквозь них щедро льется солнце. Из распахнутых в сад дверей в холле слышен шум листвы и пение птиц. Никакой мрачной ночной романтики. Словно не вампирское гнездо, а загородный коттедж жизнерадостной семьи.

– Мы называем это не гнездо, а прайд, – сообщил Эшер, не оборачиваясь. – Название немного устарело, но раньше сообщества вампиров были похожи именно на львиный прайд.

Я так поняла, он тоже читает мысли. Заговоры плести в таких условиях будет довольно сложно. Самое забавное, у меня в голове было много информации о разных принципах устройства вампирских сообществ – кланы, семьи, гнезда, даже поцелуи, но совершенно никакой о прайдах у львов. Симптоматично.

– В львиных прайдах очень мало самцов и много самок. Самки – гарем альфа-самца. Мужчины-вампиры чаще обращают людей. По понятным причинам они обращают в основном женщин.

– Каким причинам? – вставила я.

Эшер открыл дверь и пропустил меня вперед.

– Укус возбуждает. Сердце бьется сильнее, кровь быстрее бежит по венам – ее легче пить. Эйфория – гарантия того, что жертва не сбежит. Все вместе очень похоже на оргазм. Поэтому и есть, и обращать предпочитают людей противоположного пола. Садись за стол.

Я наконец обратила внимание, что пришли мы на кухню. Она тоже была залита солнечным светом. Белая мебель, желтые занавески, много цветов. Сразу вспоминаются слова Эшера про белозубых красоток, которых он хотел бы видеть в гостях. Вот для них и место есть. Мне было любопытно, зачем в доме вампиров кухня, но этот вопрос мог подождать. Откровения Эшера после затыкания рта Люцием и загадочности Мари были просто глотком свежего воздуха. Стоило пользоваться случаем.

– А сейчас женщин меньше? Почему?

– Чай или кофе? – Эшер щелкнул кнопкой чайника. – Общество меняется, и мы тоже. Стало не зазорно пообниматься с мужчинами. Вампириши стали чаще делать себе слуг и рабов, которых в итоге обращают.

– Мне кофе, – поспать мне не удалось, и кто знает, когда получится. – А почему вы мне это рассказываете?

– Тебе неинтересно? – удивился Эшер. Странное у нас положение – он меня на ты, я его на вы. – Я не люблю, когда по дому шляются запуганные люди, которые видят вокруг

только монстров.

– А вы не монстры?

– Да вроде нет. Хотя после знакомства с Люцием ты можешь быть другого мнения.

– А где он сейчас?

– Спит, наверное.

– Днем?

– Нам не мешает солнечный свет, вопреки всем стереотипам, но большинство вампиров ночные создания. Проще охотиться в темноте.

– А вы едите? – я все-таки решила спросить.

– Только ради удовольствия. Голод утоляет кровь.

– А как часто нужно пить кровь?

Чайник выключился и Эшер занялся чашками. Мне показалось, что он намеренно избежал ответа.

– С молоком?

– Да. У вас есть эта вечная жажда? – переформулировала я вопрос.

Эшер достал из холодильника молоко, засыпал кофе. Он снова промолчал. Кофе был растворимый, но это лучше, чем ничего. Он поставил вторую чашку и сел напротив меня. Тщательно размешал сахар, не поднимая глаз. Я изобразила на лице вежливое ожидание. Эшер вздохнул:

– К сожалению, да. Крови хочется постоянно. Если не питаться хотя бы раз в день, жажда становится невыносимой. Если выпить мало, слабеешь. Если используешь способности

– слабеешь и нужна еще кровь. Наши силы не восстанавливаются без нее. Мы вообще ничего без нее не можем.

Сказано это было так мрачно, что я решила пока помолчать.

Кофе был обжигающим, но я все равно отпила несколько глотков. Неловкое молчание даже в обществе вампира неловкое молчание. Захотелось курить.

– Извини, не держим, – ответил на мои мысли Эшер. – Да и Люций был бы против как твой хозяин. Вкус портится.

Эта фраза никак не могла претендовать на приз лучшего стимула для продолжения разговора. Я как-то остро почувствовала, что быть игрушкой вампира – это все-таки побочная моя функция. Основная – пища. То, что со мной мило болтают не значит, что я перешла в другую категорию. Хотя наверное пресловутая метка сделала меня домашним животным вместо полуфабриката. Курицей или коровой. От них получают еду, но и их можно съесть при случае. Некоторые очень привязываются к домашнему скоту, конечно. Но вряд ли забывают, что милую розовую свинку можно нарезать к праздникам.

– А что такое метка? – вдруг вспомнила я. – То есть я догадываюсь, но наверное она отличается от того, что я читала в книгах.

Эшер усмехнулся.

– Никак не могу избавиться от твоих животноводческих мыслей. Все намного сложнее. А метка... Это поводок...

привязь... черт, липучая метафора оказалась! В общем, метки бывают разной глубины, они показывают, что ты принадлежишь какому-то вампиру, и он может управлять тобой через них. Подробности узнаешь сама, у всех по-разному.

– И в конце концов я стану рабыней?

– По идее ты станешь вампиром. Но что задумал Люций, я не знаю.

– А другие его жертвы?

Эшер резко встал.

– Я не буду об этом говорить.

– Но вы же вроде тут главный...

– Да, я глава прайда.

– Разве то, что он делает...

– И это я тоже обсуждать с тобой не буду.

Кажется, милый кофебрейк закончился. У меня осталось еще много вопросов, но я все испортила, подняв эту тему.

Еда, знай свое место.

– Я хотел еще поговорить с тобой об Апреле.

Я встрепенулась. Удивительно, но эта тема все время вылетает у меня из головы. Может, кто-то специально ее оттуда выкидывает?

11. Безотказные аргументы

Эшер посмотрел на меня с интересом, но эту мысль комментировать не стал. Что было еще подозрительнее.

– Для начала постарайся пока пересекаться с ним поменьше. Он тебя не помнит, это нормально, и напоминать не надо.

– Почему?

Он снова не ответил, прислушиваясь к чему-то в доме. Честно говоря, мало что меня бесит больше, чем молчание в ответ на прямой вопрос. Но как-то так незаметно выходит, что уже второй день мало кого волнует, что меня там бесит.

Особенно начальников вампирских прайдов.

– Остальное потом, – вдруг сказал Эшер. Он сделал несколько шагов к двери, обернулся и смерил меня своим этим слишком пристальным взглядом, от которого не знаешь, куда деться:

– И хотя бы еще одну ночь проведи в подвале. Это рекомендация. А вот про Апреля – приказ.

– Люцию своему приказывайте, – пробормотала я чашке кофе, когда Эшер оборвал натянутую нить взглядов и выскользнул за дверь с тревожным выражением на лице.

За окном послышался звук двигателя. Очень мягкий, бархатный, как у самых дорогих машин. Потом еще и еще, они взревели сильнее, лязгнули ворота и звук постепенно стих.

Машины я так и не увидела, хотя было любопытно.

Почему-то считается, что все долгоживущие существа очень богаты. Честно говоря, не понимаю, почему. Ну то есть, с одной стороны, можно бесконечно ставить на одни и те же номера в лотерее и победить теорию вероятностей. Или покупать маленькими порциями акции всего подряд, а через пятьдесят лет продавать удачные. Или положить деньги в швейцарский банк и забыть лет на сто. С другой – теоретически за столько лет можно научиться чему угодно. Научись хорошо петь, играть на пианино, рисовать, писать книги или хотя бы делать ремонт – и получи свои высокие гонорары. Но мне вот кажется, что при моих, скажем, нулевых способностях к бизнесу, я и за тысячу лет не научилась бы доживать до зарплаты с плюсовым балансом на счету.

А вдруг новичкам-вампирам, горцам, демонам и прочим бессмертным тварям прямо на входе выдают красивый пакетик с раздаточными материалами. Значок «Добро пожаловать в клуб Immortality», буклет «Как разбогатеть за неделю», фиджет-кубик с кнопками и колесиками, чтобы занять чем-то руки на бесконечное время и маленькая шоколадка. С мятой. А к Костику меня не пускают, чтобы я не украла буклет. Ну или шоколадку. Трудно без шоколадки с мятой, когда тебя ждет вечность.

Я фыркнула и отвернулась от окна, чтобы допить уже остывший кофе.

И уперлась в ледяной взгляд пронзительно-черных глаз

неслышно севшего на место Эшера Люция.

Я на всякий случай даже проверила, не замерз ли кофе. Едва мой взгляд опустился на чашку, как Люций схватил ее и метнул в сторону раковины. Не отрывая взгляда от меня. Раздался звон и стену украсила коричневая гирлянда капель.

Я на всякий случай решила больше ни на что не смотреть. Но на Люция смотреть тоже было невозможно – его лицо искажало бешенство. Застывшее и молчаливое и оттого еще более страшное.

– Закончила завтракать? – процедил он сквозь зубы.

Я только кивнула. Человек такая зверюшка, что ко всему привыкает. Вот и я расслабилась – солнечное утро, нормальный собеседник, кофе... Забыла о том, что происходит.

– Молодец.

От его взгляда начало тошнить.

– Может быть, тебе еще круассан или омлет? Мне приготовить? – нежно-ледяным голосом поинтересовалось чудовище, поднимая брови.

Я не виновата в том, что тут же представила его у плиты. Я виновата в том, что позволила на секунду появиться улыбке.

Его руки просто лежали на столе, пальцы лишь слегка сжались, но по каменной столешнице поползла трещина.

Я вскочила:

– Пойду-ка я обратно! Здесь как-то жарко, посижу в своем подвале.

– С-с-стоять...

Я замерла. Иллюзий, что я успею сбежать и запереться изнутри в ненавистном еще час назад подвале, у меня не было. Хотя помечтать было приятно.

Поворачиваться было как-то совсем страшно и я не стала. Просто стояла на месте и затылком ощущала, как Люций идет ко мне. Шаги не было слышно, дыхания не было слышно – но каким-то образом я чувствовала каждое его медленное движение и волоски на коже вставали дыбом от ужаса. Он мог бы оказаться рядом со мной мгновенно, но прошло не меньше минуты, пока он сделал эти несколько шагов и у моего уха раздался свистящий шепот:

– У тебя в роду самоубийцы были?

– Нет, только я.

– Снова наглеешь? Есть повод?

Не говорить же ему, что тут уже куча народу от меня чего-то хочет.

– Ты обещал меня убить, если я буду плохо себя вести.

Тихий замораживающий смешок у самого уха. Ледяное дыхание.

– Я обещал вернуть тебя в обычную жизнь. Туда, где ты снова останешься со своей мечтой, которая могла сбыться – но ты отказалась. Почувствовала ее вкус, запах, дотронулась и пожила в ней и снова очутилась на берегу. На этот раз без надежды.

Меня взяли за плечи и довольно грубо развернули.

– И если ты еще раз! – Люций был не просто в гневе, он

был в ярости. – Еще хоть один раз сделаешь не так, как я тебе сказал – я так и сделаю. И оставлю метку, чтобы ты каждый гребаный день помнила обо мне! Доброе утро, юный падаван, вы как раз вовремя!

Я, ошеломленная внезапной сменой тона, повернулась и увидела вошедшего на кухню Костика. Апреля. Костика. Черт.

Он смотрел на нас – Люций сжимает мои плечи, его лицо вплотную к моему, мы оба яростно взерошены – и явно смущался. И думал всякое. И даже собирался развернуться и уйти. И это к лучшему, Эшер, как я поняла, плохого не посоветует. Но пришлось вернуться, чтобы вежливо ответить Люцию.

– Да, с добрым утром. Я тут Мари искал... Уже вижу, ее нет, – и он уже собрался уходить.

Я отчаянно ловила его движения и жесты, наплевав на сумасшедшего вампира рядом. Я все еще не верила в это все. Ни в смерть, ни в такую вечную жизнь. Я должна была убедиться, что это он, настоящий он. Вот так он сплетает пальцы, вот так откидывает челку с глаз, вот его настоящая улыбка – смущенно-теплая. Может ли быть, что он забыл меня за прошедшие пять лет? Мы были лучшими друзьями до того, как я поняла, что у меня это совсем не дружба. Вряд ли. Он не забыл бы.

Чего я не замечала, так это наблюдающих за моими реакциями адски-черных глаз. А зря. Люций снова крутанул ме-

ня в руках и толкнул в сторону Костика так, что я практически упала на него. И прокомментировал:

– У нас тут гостья, Апрель. Побудь хорошим хозяином, покажи ей дом. А Мари с Эшером уехали по делам, все равно до вечера не появятся.

Костик аккуратно отстранил меня, помогая обрести равновесие и посмотрел – как с досадой смотрят на невовремя свалившихся родственников.

– Да, конечно, – кивнул он.

– Нет, не надо! – пискнула я. И заткнулась, увидев жестокую ухмылку Люция.

Окей. Он убедительнее Эшера.

– Не бойтесь, – по-своему истолковал мои слова Костик. – Я уже умею себя контролировать.

«Уже»?!

12. В апреле

Но больше всего мне не понравилось, как ловко нас свел Люций. Где-то тут я заподозрила, что рассуждения про «похуй, не ты, так другая» – не совсем правда. Возможно, кроме меня и некому больше.

Костик по широкому коридору вышел в холл с дверью наружу, на которую я тут же хищно посмотрела. Он заметил это и извиняющимся тоном сказал:

– Дверь не заперта, но ворота открываются только из дома, и до трассы довольно далеко. И по трассе до ближайшей деревне километров двадцать.

Или он тоже читает мысли, или у меня на лице слишком хорошо все написано. Надо как-то маскироваться.

– Я вовсе не собиралась... – бормочу, а сама смотрю на него и не могу насмотреться.

В гробу он лежал очень бледный, заштукатуренный до нельзя, но это и понятно. Ребята говорили – его нашли всего избитого, места живого не было. Работникам морга пришлось постараться, чтобы не хоронили в закрытом гробу. А мне тогда так хотелось еще раз увидеть его глаза...

Теперь смотри – не хочу. Светло-коричневые, цвета слабо заваренного чая. И когда на него вот так падает солнце, в них вспыхивают золотые звезды.

Я помню, мы шли весной в гости к Никите, бешено ора-

ли воробьи, вовсю звенела капель, и мы были совершенно беспричинно счастливы, болтая обо всякой ерунде. Я повернулась к нему, остановилась, чтобы что-то показать, я даже помню фразу: «Ну вот на таком расстоянии...», хотя и на чисто не помню, про что это. Взяла его руки, чтобы показать расстояние и вдруг замерла, глядя на эти звезды. Почему-то до сих пор я не замечала, какие у него необычные глаза. Захотелось рассмотреть их повнимательнее. И он мне совершенно не мешал, стоял и терпеливо ждал, пока я насмотрюсь, почему-то не требуя, чтобы я закончила фразу.

И так мы простояли долго, очень долго, глядя друг на друга, пока не раздался велосипедный звонок и я не опустила глаза в землю и не выдернула у него пальцы, которые он тихонько поглаживал. И мы пошли дальше.

Но меня было уже не спасти.

Сейчас глаза первым опустил он. Светло-русые волосы упали на лицо, он отвел их до боли знакомым движением.

– В левом крыле столовая, за ней кухня, мы оттуда пришли, в правом большая гостиная и зимний сад. Пойдемте.

И он повернулся и пошел, не сомневаясь, что я последую за ним. И что мне оставалось делать? Забавно, что в моих вампирских книгах и фильмах красивыми обращенные становились, когда перевоплощались в вампиров, а до этого были вполне обычными. И всякое бла-бла про то, что вампиры идеальные хищники и охотники на людей, а люди ловятся на красоту. А судя по Костику, который кажется вот вообще не

изменился, я могу закатать губу обратно. Если Люций все-таки смилостивится, жить вечно я буду в своей средних качествах тушке. Ну может быть, макияж научусь накладывать лет за сто. А может, меня в вампиры не возьмут, потому что по конкурсу не пройду.

Гостиная мне была знакома – окна, шторы, тяжелая мебель, вазы с цветами. Снова со свежими цветами. Вечером были розы, сейчас полевое разнотравье. Я кивнула, когда Костик взглядом спросил, открывать ли двери в зимний сад. Вошла и закашлялась. Там было душно и влажно, казалось в воздухе висит водяная пыль.

– Летом тут выращивают тропические растения, для которых московский климат недостаточно жаркий, а зимой переселяют некоторые деревья из сада, – сообщил Костик, предлагая жестом пройти, но я замотала головой.

Песчаная дорожка соблазнительно уходила в глубину сада, над ней свешивались плети лиан с огромными яркими цветами и что-то едва слышно журчало, но мне было плохо от жары уже на пороге.

Костик пожал плечами и закрыл двери.

– Иногда в Москве такое лето, что сюда ходишь погреться, – улыбнулся он.

Я замерла от этой улыбки, но увидев тень тревоги на его лице, быстро отвернулась. Эшер сказал, что он меня не помнит, поэтому то, как я себя веду, выглядит слегка неадекватно. Но кто бы вел себя по-другому?

– А ты... вы давно тут живете? Мне говорили, что вы новенький, но вы так уверенно рассуждаете о годах...

– Около пяти лет, – он прошел гостиную насквозь и открыл двери на террасу. Оттуда же лестница вела наверх. – Первые десять лет вампира не считают полноценным, слишком высокая смертность. Говорят, со мной еще слишком возятся, Эшер не любит умирающих младенцев. Идемте наверх.

Я кивнула.

– На этом этаже в основном гостевые спальни, малая гостиная и тренажерный зал. В гостиной проектор и игровые приставки, хотите?

Я помотала головой. Вот еще игр мне не хватало в вампирском доме. Зачем играть в то, что происходит в реальности?

– А в тренажерном зале сейчас Доминго, он не любит, когда его отвлекают, – извиняющимся тоном произнес Костик. – Тогда на третий?

Что за безумная экскурсия. Я украдкой оглянулась, но Люция было не видно. Зачем бы он нас не послал вместе гулять по этому вампирскому гнезду, он, кажется, был уверен, что мы справимся и без его поддержки.

Я пока справлялась только с тем, чтобы не хватать Костика за руки и не пытаться его обнять и зарыдать у него на груди. Я слишком долго по нему скучала. Слишком невыносимо было знать, что нет никаких шансов еще раз его уви-

деть. Когда он женился, я знала, что он жив, он дышит, он счастлив и однажды... Однажды все может сложиться иначе, жизнь длинная.

– А вы что-нибудь помните из своей прежней жизни? – я не забыла предупреждение Эшера, но не могла иначе.

Мы уже поднялись на третий этаж с огромным холлом, плавно переходящим в огромный же балкон. Внутренних стен здесь не было – только тонкие изящные колонны, поддерживающие потолок. Окон тоже – они все были дверьми, которые превращали холл с балконом в единый... бальный зал?

Темно-красные квадраты паркета сменялись квадратами цвета топленого молока, тяжелые портьеры цвета запекшейся крови были собраны, впуская яркое солнце.

Опять эти чертовы звездочки в его глазах! И он смотрит на меня и хмурится, будто действительно старается припомнить что-то из своей настоящей жизни. Может быть, меня?

– Н-нет... Но Эшер говорит, память вернется, когда перестанет быть такой болезненной. Я знаю, что у меня была жена и дочь, но не помню их, – хмуро отвечает Костик.

– Вы не пытались их увидеть?

Что ж я такое делаю... Эшер меня убьет.

Хотя пусть убивает, вот Люций взбесится.

– Нет.

Он ответил слишком быстро и слишком резко, я аж задохнулась, поняв, что он соврал. Я-то его знаю. Я всегда знала,

когда он врет. И он знал, что я знаю. И почему-то это нам нисколько не мешало.

Не сейчас.

– А почему вам дали такое странное имя – Апрель?

Действительно, почему? Почему тебя назвали именем моего любимого месяца в году? Того месяца, когда мы однажды сошли с ума и на секунду оторвавшись от тетрадей, в которых делали алгебру, как сейчас помню, сидя на ступеньках районной библиотеки, вдруг потянулись друг к другу. Того месяца, в котором с тех пор случалось все самое чудесное в моей жизни. Того месяца, когда ты родился...

– Просто меня обратили в апреле, ничего особенного.

...и когда умер.

13. Память

Кажется, я всхлипнула. Отвернулась, надеясь, что у него пока нет усиленного слуха, и вышла на балкон. Или террасу – она была не меньше бального зала внутри. До изящного ограждения из белого мрамора было не меньше пятнадцати шагов. Слезы застилали глаза, но я прошла эти шаги и судорожно вцепилась в холодные перила.

Костик подошел гораздо медленнее, встал рядом, задрал голову, глядя в синее небо.

– Вы ведь меня знаете, да?

Я ничего не ответила. У меня не было ни единой причины отвечать. Мне и Эшер запретил, и Люций и сама я совсем не хотела быть той, кто ему расскажет про его смерть.

Он наклонился, стараясь заглянуть мне в лицо. Каланча белобрысая. Когда мы целовались в яблоневоm саду у школы, через две недели после того первого раза, ему приходилось сгибаться в три погребели, я едва доставала ему до груди.

Я вовсе не хотела продолжать это все – у Костика была девушка, а я уже привыкла к безответным влюбленностям. Но мы были друзьями, у нас были деньги всего на одну бутылку пива на двоих и мы просто слишком близко наклонились друг другу. Казалось, что он магнит, а я железная стружка – меня тянуло к нему физически, непреодолимо.

Как и сейчас.

Кажется, магнит тоже не может сопротивляться, когда к нему тянет железную стружку.

Мне почудился вкус светлого пива на его губах. Запах цветущих яблонь. Его ладони, такие большие, что когда он обнимает меня за талию, я кажусь себе тоненькой статуэткой. Солёный привкус слез – тоже как тогда. Потому что в шестнадцать целоваться с чужим парнем кажется безнадежным падением и отчаянием на грани тьмы. Его губы стали теплее, а ладони совсем горячие.

– Алинка... – вдруг выдохнул он и посмотрел мне в лицо расширившимися глазами. – А где Машка? Она должна была приехать, мне там сказали... – и его глаза стали расширяться от ужаса.

Он начал вспоминать. Мамочки, что я наделала!

– Апрель! – прогремело эхо над террасой. Я отшатнулась и из-за плеча заслонившего меня собой Костика увидела Эшера.

В гневе уравновешенные люди страшнее психов, я давно заметила. В отличие от Люция Эшер не рычал, не орал, не бросался вещами, не показывал клыки. Он просто шел, такой же спокойный, как и раньше, но в мягкой кошачьей походке появились хищные нотки, а лицо застыло, превратившись в маску. Он не торопился. Он тщательно осмотрел меня, ни единым движением или взглядом не передав никакого послания, а потом его взгляд перекинулся на Костика и тот даже отступил на шаг, чуть не наткнувшись на меня.

Со стороны лестницы спешила Мари. Вот у идеальной леди на лице было написано буквально все: страх, злость, беспокойство, досада, решимость, сочувствие. Последнее – Эшеру, который не поворачиваясь, бросил ей:

– Найди Люция.

Я кажется единственная видела как мелькнули белоснежные волосы на краю крыши, почувствовала взгляд. Мне положено, у меня метка.

– Алина, отойди от него.

С радостью, господи. Я бы еще и домой уехала. Нет? Не выйдет?

Рука Костика дернулась схватить меня, но я уже отступала к лестнице вниз. Если удастся сбежать – первым делом в родной подвал, запру дверь и что-нибудь к ней придвину. Вода есть, еда есть, выковыривать меня будете, только разобрав дом до основания.

Я уже почти дошла до лестницы и даже не смотрю, что происходит дальше на террасе, у меня свои задачи, когда ледяная ладонь зажала мне рот, а голос Люция прошептал в самое ухо тихо, почти неотличимо от моих собственных мыслей:

– Молчим и отходим.

Я не успела даже испугаться, когда вдруг поняла, что он... доволен? Я не могла понять это по голосу, так он был тих, но видимо метка работает и в обратную сторону тоже. Я не чувствую в нем обычной раздраженной злости, я чувствую

торжество.

Вот я молодец, вот просто умница – помогла самому неадекватному вампиру в городе! Хотя тут конечно самое время подумать о том, как я дошла до жизни такой, что отличаю адекватных и неадекватных вампиров. Потом подумую. Сейчас наши цели с неадекватным совпадают – максимально незаметно смыться из горячей точки.

И нам почти удастся – но у лестницы стоит Макс, весь такой в черном, перстни сверкают, клыки сверкают, волосы развеваются и вообще всем своим видом показывает «Ты не пройдешь». Ну Люций, допустим, пройдет, я в него верю, а вот я и правда нет. Люций демонстративно глубоко вздыхает у меня за спиной и даже не видя его лица, я представляю, как он закатывает глаза.

– Алина, иди, – и Макс сделал мне приглашающий жест. – А тебя ищет Эш.

Еще один приглашающий жест – уже Люцию, на балкон. Тот прошипел что-то ругательное и толкнул меня прямо на Макса. Он поймал меня и тут же направил дальше, к лестнице, замешкавшись всего на мгновение, но Люцию его хватило, чтобы взлететь под самый потолок бального зала. Макс развернулся и взмыл следом.

И уже сбегая вниз по лестнице, я слышала скрежет, вой и звуки ударов. Едва удержалась от ехидной улыбки. Ну что, белобрысенький, и на тебя найдется управа. А я пока в подвал!

14. В любой тьме есть свет

Не так уж это было легко – найти вход в подвал в этом доме. То есть примерно я помнила – тут холл, тут зимний сад, где-то внизу кухня, а проводили меня мимо гостиной, так где же в это время года в трехэтажном особняке, полном вампиров, может располагаться вход в подвал? Я понадеялась, что на кухне. Но проверить, что прячется за низкой дверью в углу не успела. За столом, где я пила кофе теперь сидела золотоволосая женщина с огромными кукольными глазами и разбирала по букетам охапки цветов. Так вот кто этим занимается. Интересно, это прислуга или кто?

– Привет, – сказала она, не глядя на меня. – Хочешь поесть нормально? Я поставила круассаны в духовку, через десять минут будут, но могу сделать тебе киш или шакшуку.

– П-п-привет.

Надо же, вторая женщина в этом дурдоме. Почему я не видела ее вечером в гостиной?

– Меня зовут Уля, я жена Эшера! – она наконец посмотрела на меня сияющими голубыми глазами.

Она выглядела как волшебная принцесса. И уж точно не Эшеру жаловаться на то, что у вампиров плохой пиар. Куда ему еще белозубых теннисисток, когда у него такая жена.

– А Мари тогда кто? – не подумав, ляпнула я. – Ой, нет, я же помню про прайд. Но не помню, как там все устроено,

если честно.

– Мари главсамка, а я просто... – она пожала плечами и отложила почти собранный букет из белоснежных астр с вкраплениями мелких темных цветов, названия которых я не знала. – Я просто жена.

Она встала со стула и подошла к духовке. Простое голубое платье по колено, перевязанное на талии широкой шелковой лентой, туфельки на низком каблуке. Она выглядела как идеальная американская домохозяйка пятидесятых. Но в них всегда было что-то жутковатое, даже до «Степфордских жен», а она была такой светлой и искренней как... как весь этот дом по утрам.

– Ты тоже вампирша? – не могла не полюбопытствовать я.

– Ну конечно! – Уля достала противень с румяными круассанами и ловко стряхнула их на облитое глазурью глиняное блюдо. – Так ты будешь только круассаны?

– Да, спасибо, – я села за стол и автоматически цапнула стоящую там чашку. Уля моментально налила в нее чай.

– Не за что! – лучезарно улыбнулась она. – Мальчики всегда забывают про нужды обычных людей. Поголодать успеешь, когда тебя обратят.

Я вздрогнула.

– Этот голод... он действительно такой ужасный? – это было главным минусом бытия вампиром в моем представлении. Остальные аргументы меня не смущали: отвергнутые богом демонические создания? Я атеистка. Убивать людей

плохо? Давайте вы почитаете проповеди главам государств. Проклятие вечной жизни? Пока я переделаю все дела в мире и заскучаю, люди придумают новые. Пережить родных? Да ладно, а в чем подвох? А голод...

Уля улыбнулась. Мне бы насторожиться, напрячься, задуматься о том, что такая светлая девушка в обители мрака и порока – довольно подозрительно. Но она не вызывала вообще никаких опасений. Совершенно.

– Ты когда-нибудь сидела на диете? – она рассмеялась, увидев, как я набираю воздух в легкие, чтобы сказать все, что думаю. – Ну конечно, сидела. Все девочки делают это. Так вот, поверь мне, самый страшный голод по крови не сравнится с третьим днем разгрузочной недели на кефире и яблоках. Мальчики просто никогда не терпели такие вещи добровольно, вот им и кажется, что это – невыносимая жажда. Не бойся!

Эшер точно лукавил. Пиарщика для вампиров он давно нашел. Ни один гламурный вампиризм в духе «Сумерек» не сравнится с умением этой женщины уговаривать. Если бы она предложила мне стать вампиром, а не Люций, не понадобилось бы и темных поцелуев до одури.

Но я решила проверить еще кое-что.

– А почему мне нельзя было рассказывать Апрелю о нашем знакомстве?

Я все-таки цапнула круассан и стала нервно его раскручивать, раздирая по волокнам. Безупречная улыбка Ули все-

таки увяла и превратилась скорее в беспокойство.

– Ты заставила его вспомнить? – спросила она, устало садясь за стол и отпивая из второй чашки. Пахло мятой. Я сначала думала, что мята среди цветов, которые она разбирала, но теперь поняла, что это вампирша, которая пьет мятный чай. Ходячий анекдот.

Я кивнула.

– Плохо... – поежилась Уля. – Понимаешь, новенькие – они одновременно очень мощные и очень хрупкие. Они как подростки. Сила бурлит, нервы на пределе, сердце болит, а почему – непонятно. И пока они ничего не помнят, они учатся справляться с эмоциями и силой. А если напомнить – то в стремлении отомстить или даже защитить, они могут натворить дел.

– А почему нельзя было мне это нормально сказать? – разозлилась я.

– Ну посмотри на вещи здраво. Твой статус пока совершенно неясен. Это отдельная проблема с Люцием, мы с ним еще поговорим об этом. Но мы даже не уверены, что ты станешь одной из нас. Хотя я на это очень надеюсь! Ты мне понравилась, такая необычная.

И улыбка вновь расцвела на безупречно-розовых губах сказочной принцессы.

– А Люций... тоже еще молодой? – аккуратно спросила я.

И принцесса вдруг расхохоталась. Конечно, ее смех был похож на серебряные колокольчики и все такое, но смеялась

Уля до слез, почти падая со стула, совершенно неприлично.

– Я смотрю, ты не скучаешь, – раздалось хрипкое и злое позади меня. Даже солнце словно резко притухло. Да и Уля перестала хохотать, и взгляд ее стал тревожным.

Помянешь дьявола, и вот он.

Я обернулась и вздрогнула: видок у Люция был неважный. Белоснежные волосы потускнели и свисали неаккуратными сосульками, лицо осунулось, под глазами не круги – черные пропасти, скулы проступают так, словно готовы прорезать кожу. И руки такие же – кости скелета едва обтянутые сухой бледной кожей.

Не знаю, что с ним делал Эшер, но то, что ничего хорошего – ясно.

– Что, нравлюсь? – скривился он. – Да уж не похож на нашу сытую прекрасную принцессу.

Надо же, у нас с ним одни и те же ассоциации на тему Ули.

– Люций! – даже когда она обижена, Уля все равно прекрасна. Словно вот-вот расплечется крупными хрустальными слезами.

– На меня не действует, ягодка, – прохрипел Люций. – Мы с моей игрушкой уезжаем.

– Нет.

Эшер проскользнул из-за спины Люция, подхватил с блюда круассан и встал позади стула Ули, положив ладонь ей на плечо. Она по-кошачьи потерлась о его ладонь, по его губам скользнула улыбка, а я смущенно отвернулась. Если бы они

заялись страстным сексом на столе, я бы смущалась меньше, чем увидев такую привычную домашнюю нежность.

– И почему? – Люций зашел мне за спину и скопировал позу Эшера. Только о его ладонь я тереться не стала. Впрочем, он сам провел неприятно холодными и шершавыми пальцами по моей шее. Такое извращенное темное отражение их счастливой пары.

– Ты не в состоянии, сейчас день, у нас еще запланирован разговор, – перечислил Эш.

– Не в состоянии я чьими стараниями? – прошипели над моим ухом.

– До ночи – никуда не отпущу, – спокойно подытожил Эшер. – Иди спать. Твоей подруге я тоже дам нормальную комнату. Подвал, как ты понимаешь, потерял всякий смысл.

15. Приход

Люций фыркнул, крутанул меня, сдергивая со стула и, ухватив костлявыми пальцами, поволок к лестнице.

– Для Алины бежевая спальня! – крикнула вслед Уля.

– Хужежая, – Люций как всегда.

Спальни, разумеется, мне не досталось. Он втолкнул меня в свою комнату. Ощерился, когда я попыталась вывернуться и отнять свое запястье:

– Не беси меня, блять!

– Зачем ты свел меня с Костиком? Что за хрень с его памятью? Почему все-таки я?!

Люций отпустил мою руку, захлопнул дверь и запер ее на ключ, торчавший в замке. И ключ вытащил и убрал в карман. Сложил руки на груди и посмотрел на меня. Молча.

– Ты специально меня искал? Всех остальных подруг Костика ты тоже перебрал?

Я уже ни капли не сомневалась, что моя забывчивость – его когтей дело. Люций смотрел на меня своими блестящими черными глазами, прячущимися в страшных провалах на лице. Губы его были покрыты какой-то неприятного вида коркой, клыки выступали вперед. Даже дыхание казалось нездоровым и слишком шумным.

– Почему ты молчишь? – я не чувствовала сейчас от него опасности или обычного бешенства.

– Раздевайся.

– Что?! – я даже отпрыгнула подальше к окну. Решетки на нем не было, но стекло отливало синим, как будто все непросто. Можно рискнуть и постараться разбить, но смысл?

Люций как-то дернул плечами, втянул воздух сквозь зубы и мгновенно оказавшись рядом тупо располосовал на мне платье от верха до низа.

– Так понятнее?

– Ты больной?! – я, между прочим, любила это платье. Длинное, черное с таким вырезом, что все головы сворачивали. Меня в нем часто принимали за мусульманку, несмотря на этот вырез. И мне нравилось приподнимать его край, поднимаясь по ступенькам. Где я еще такое найду? И где я вообще найду одежду в этом сумасшедшем доме?

– Душ там, – он тыкнул когтем в сторону двери в углу комнаты. И облизал пальцы. Я скосила глаза – царапины на груди наливались капельками крови. Взгляд Люция стал очень заинтересованным.

– Хотя погоди...

Он подошел, стараясь выглядеть опасно и хищно, но удалось плохо. Неслабо его потрепал Эшер, даже на выпенд-реж не хватает сил.

Я попыталась как-то собрать платье, чтобы не стоять перед ним совсем уж голой, но он хлопнул меня по пальцам и наклонился, касаясь кончиком языка алой полоски на груди.

Было ли это сексуально? Боже, нет. Спутанные волосы,

нездоровая кожа, и даже дыхание его пахло прелой землей. Он был неприятен, он выглядел как бездомный, который не меньше месяца на улице. Нет, хуже – он выглядел как уже довольно несвежий труп. Я содрогнулась от отвращения и услышала змеиное шипение:

– С-с-с-сука...

Но уже доставшиеся ему капли крови, кажется, добавили сил. Люций сжал пальцами мою шею и припечатал меня к двери в ванную и, сузив глаза, уставился на меня. Когти он не удосужился убрать, так что по спине поползли капли крови. Больно не было, было... приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.